РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 28. 10-го Іюля 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе: С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“: МОСКВА. Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к. | Безъ доставки въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р. 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

Съ поля битвы.

Отъ Волги, Печоры, отъ синяго Дона,
Отъ Камы, Невы, отъ Днѣпра и Двины,
Сверкая штыками, пошла оборона
Въ далекія степи Манчжурской страны.
И билася рать тамъ съ врагомъ-супостатомъ,
Присяги Царю исполняя обѣтъ,
И въ грозномъ бою передъ русскимъ солдатомъ
Мелькали, какъ тѣни, герои побѣдъ:
Суворовъ, Кутузовъ, съ его сѣдинами,
И въ китель бѣломъ лихой генералъ;
Ихъ помнила рать и былыми орлами
Взбиралася храбро на вражескій валъ,
И, встрѣтясь съ врагомъ грудь со грудью, бросались
Работать, какъ прежде, граненымъ штыкомъ.
Надъ битвой гранаты, шрапнель разрывались,
Фугасы, взрываясь, бѣлѣли дымкомъ.
Багровое солнце на битву смотрѣло,
Смотрѣла и блѣдная ночью луна,
Зеленое поле отъ крови алѣло,
Рѣкою лилася при битвѣ она...
Но кончена битва. Ушли супостаты.
«Ура!» пронеслося могучей волной...
И полною грудью вздохнули солдаты,
Окончивъ упорный двухсуточный бой.
Но сколько онъ вырвалъ собратьевъ изъ строя!
Ряды порѣдѣли. Среди тишины
Одни вспоминаютъ солдата-героя,
Тамъ капаютъ слезы и вздохи слышны;
Здѣсь раненый самъ мастеритъ перевязку,
Въ сторонкѣ безъ памяти кто-то лежитъ
И, снявъ съ головы у «сестрицы» повязку,
Здоровый солдатикъ куда-то бѣжитъ.
Вы мирно лежите, убитые въ боѣ!
Васъ много лежитъ здѣсь повсюду окрестъ.
А раненый кто, то объ этомъ героѣ
Нашъ Красный ужъ будетъ заботиться крестъ:
Свезетъ ихъ въ Россію, гдѣ встрѣтятъ ихъ братья,
Заставятъ забыть ихъ всѣ тысячи мукъ,
Гдѣ встрѣтятъ ихъ ласки, привѣтъ и объятья
Горячихъ привѣтствій отъ родственныхъ рукъ.

ВОЗВРАТИВШІЕСЯ ГЕРОИ. Рисунокъ П. Тиріа.

ЛЮБЪ-ТРАВА.

Историко-бытовой романъ

графа Е. А. Салiаса.

(Продолженiе.)

LI.

ВЪ ЭТО-ЖЕ время жизнь нѣмца доктора сильно измѣнилась. Настоящiй адъ превратился если не въ рай, то все-таки въ тихое и пріятное существованiе. Сожительница Зонста сильно измѣнилась характеромъ. Терпѣливый и настойчивый нѣмецъ самъ себя мысленно восхвалялъ и даже дивился своему уму и своей ловкости. Онъ считалъ, что совершенно обезоружилъ дѣвушку и заставилъ даже его полюбить, заставилъ ее забыть про его невзрачную фигуру и видѣть только любовь и ласку, и постоянное желанiе всячески ей угодить.

Въ новой мирной жизни Зонста явилась только одна помѣха, но, собственно, пустяшная: Файка страшно не взлюбила — невѣдомо почему — старухи Лукерьи, жаловалась на нее всякiй день, увѣряла и даже божилась, что старая Лукерья съ ней крайне груба и дерзка.

Когда Зонстъ выговаривалъ старухѣ, къ которой привыкъ и которую даже отчасти любилъ, Лукерья божилась и клялась точно такъ-же, какъ и Файка, что все—одна напраслина и что она не знаетъ, за что барышня ея не взлюбила. Зонсту не хотѣлось прогонять старуху, служившую ему уже нѣсколько лѣтъ, но понемногу пришлось подчиниться прихоти Файки, потому что изъ-за Лукерьи снова будто начиналось то, что уже было, снова наступалъ въ домѣ сущiй адъ.

И понемногу Файка добилась своего, тѣмъ паче, что нашла въ Москвѣ женщину, которую давно знала. Это была женщина усердная и расторопная, а вдобавокъ оказалась удивительно искусной поварихой.

Эта женщина, которую раздобылъ Миляй, въ дѣйствительности была только что отпущенной изъ острога, гдѣ сидѣла за подозрѣнiе въ преступленiи, и очень крупномъ. Тамъ, гдѣ она служила, было покушенiе на убiйство хозяйки дома, не удавшееся вслѣдствiе простой случайности.

Миляй подыскалъ такую личность, которая могла пригодиться. Разумѣется, Файка тоже знала, что за человѣкъ новая кухарка Степанида. Это была женщина лѣтъ сорока, довольно красивая, съ очень умнымъ лицомъ и только съ такими глазами, которые обращали на себя вниманiе.

Миляй такъ выразился о ней:

— Совсѣмъ ничего, даже пригожая, только глазища разбойные.

И дѣйствительно, выраженiе глазъ женщины было странное, черезчуръ жесткое и смѣлое до нахальства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, во всей ея фигурѣ было что-то особенно отталкивающее.

Предъ тѣмъ, какъ показать Степаниду Зонсту, Миляй и Файка всячески ее подготовили и Миляй совѣтывалъ ей говорить съ новымъ бариномъ потише, повѣжливѣе, а главное, стараться не смотрѣть ему въ глаза.

Настреканная Степанида приготовилась изобразить самую степенную и даже тихоню. Однако, представленная Зонсту женщина все-таки ему крайне не понравилась, нѣмецъ будто что-то почуялъ въ этой женщинѣ. Однако, увѣренiя и всякiя выдумки Файки подѣйствовали на нѣмца. Файка объяснила, что она давнымъ-давно знаетъ Степаниду, что эта женщина приходится ей дальней родственницей, что она — кума ея покойнаго отца.

Согласившiйся взять въ услуженiе антипатичную женщину Зонстъ черезъ дня три былъ ею крайне доволенъ: она была услужлива, расторопна, жива, на всѣ руки и вдобавокъ оказалась замѣчательной стряпухой. Зонстъ изумлялся, какимъ образомъ простая русская баба могла такъ отлично готовить. Онъ наивно вѣрилъ, что стряпаетъ Степанида, а не догадывался, что искусница—сама Файка, которая прежде не хотѣла для его стола „рукъ марать“, а теперь стряпала съ усердiемъ для того, чтобы вновь взятая женщина понравилась нѣмцу и осталась на мѣстѣ.

Зачѣмъ понадобилось Файкѣ выгнать изъ дому глупую и добрую Лукерью и замѣнить ее женщиной, болѣе чѣмъ сомнительной, только что выпущенной изъ тюрьмы и заподозрѣнной въ убiйствѣ?.. Затѣмъ, что убiйство несчастнаго нѣмца было ею рѣшено окончательно, и рѣшено холодно, твердо и не только безъ колебанiй, а какъ нѣчто нравственно необходимое для ея личнаго успокоенiя, ея удовлетворенiя. Файка съ тѣхъ поръ, какъ притворялась влюбленной въ нѣмца и всячески ласкалась къ нему, доказывала словами и поцѣлуями, что она Зонста обожаетъ,— душевно ожесточалась не по днямъ, а по часамъ, и, наконецъ, по ея-же выраженiю, „озвѣрѣла и осатанѣла“.

Миляй, когда-то даже собиравшiйся, готовый на убiйство, но, собственно, лишь на словахъ, и убѣждавшiйся, что дѣло „обойдется“ какъ-нибудь иначе, теперь хоть и упираясь, но уступилъ.

Именно Абрамъ еще болѣе Файки повлiялъ на друга.

— Если инако нельзя, — говорилъ онъ, — дѣлать нечего. Не весело рѣзать человѣка, да когда надо, когда отъ этого счастье всей жизни...

Видя нерѣшительность, смущенiе и волненiе друга, Абрамъ однажды предложилъ быть участникомъ.

— Я тоже съ вами пойду,—сказалъ онъ.—А коли я возьмусь да разойдусь, такъ все самъ и повершу. Ты только глядѣть будешь.

Миляй отъ этихъ словъ сразу точно ожилъ, не только ободрился. Сначала онъ думалъ и говорилъ Файкѣ и себѣ самому:

— Хорошо Абраму другого кого посылать на такой грѣхъ, а попробуй-ка самъ!..

Когда-же пріятель предложилъ свои услуги, то Миляй уже не могъ заподозрить, что тотъ его только науськиваетъ на такое, на что самъ не пошелъ-бы ни за что. Вдобавокъ переселившаяся въ домъ доктора Степанида, „бывалая“, какъ говорили про нее, оказалась чрезвычайно полезной женщиной. Когда ей со всякими предосторожностями объяснили, что задумано и затѣяно, и спросили, согласится-ли она помочь лишь однимъ молчанiемъ и потворствомъ, Степанида заявила, что она готова не только глядѣть да молчать, а и помогать. И за искреннее сознанiе Миляя съ Файкой она отплатила тоже сознанiемъ. Она разсказала, что въ дѣлѣ убiйства, которое не удалось, она была главной руководительницей, а затѣмъ она отвертѣлась отъ суда и отъ плетей своимъ искусствомъ и въ этомъ обучить можетъ всякаго...

— Убить много легче, чѣмъ обокрасть. Вѣрно вамъ говорю! А попадись я еще три раза въ „подозорныя“ и меня плетьми не тронутъ, а на волю выпустятъ,—хвасталась она.

LII.

Поздно вечеромъ два человѣка вошли во дворъ дома доктора Зонста и тихонько постучали въ окно. Степанида бодро чуть, не весело двинулась къ зад-

нему крылечку и, отворивъ дверь съ засова, выговорила шепотомъ:

— Пожалуйте, сударя господа, будьте дорогими гостями. Напечено, нажарено пропасть, только еще куръ не успѣла прирѣзать да ощипать, до васъ оставила.

Двое осторожно вошедшихъ въ кухню не отвѣтили ни слова. Абрамъ былъ блѣденъ, какъ полотно, а Миляй, помимо перемѣны въ лицѣ, будто искаженномъ судорогой, дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Степанида глянула на обоихъ молодцовъ и покачала головой.

— Что вы это?.. Охъ, народецъ! нешто можно здакъ робѣть? Вижу я, что вы промахнетесь... съ вами сама пропадешь... Видно, мнѣ придется, хоть и бабѣ, за васъ похлопотать...

Абрамъ и Миляй около часа просидѣли въ кухнѣ, въ углу, за растянутымъ на веревкѣ бѣльемъ и не перемолвились ни словомъ. Степанида выходила къ господамъ и ворочалась, потомъ снова уходила. Однажды она шепнула:

— Стыдно... Поглядѣли-бы барышню мою... Балуется со старымъ, балагуритъ. Какъ узнала, что вы ужъ тутъ, такъ нахохлилась, глазки прыгаютъ...

Наконецъ, среди тишины и сна всего квартала въ спальнѣ Зонста раздался его отчаянный крикъ. Двое мужчинъ и двѣ женщины напали на него врасплохъ... Звѣрское убійство, руководимое дьяволомъ юной женщиной и совершенное другимъ тоже дьяволомъ пожилой женщиной, длилось минуты три... И все произошло или было сдѣлано, по народному выраженію, „какъ по писаному“.

Миляй съ Абрамомъ, пользуясь темнотой, никѣмъ не замѣченные, выскользнули изъ дома, но не побѣжали, а зашагали тихо и осторожно. Бѣжать было трудно, такъ какъ карманы ихъ были переполнены золотомъ и серебромъ изъ взломаннаго сундука.

Въ то-же время Степанида сидѣла у себя въ комнатѣ и дожидалась.

— Грабители! рѣжутъ! помогите!—кричала она:—и барина, и барышню зарѣзали.

Вскорѣ нѣсколько человѣкъ, а за ними и десятки сбѣжались въ квартиру доктора Зонста. Въ спальнѣ нашли на полу въ лужѣ крови трупъ его съ размозженной головой и съ ножомъ, который торчалъ, воткнутый въ шею. Въ другой комнатѣ нашли молодую сожительницу доктора тоже на полу; но она была жива, дико глядѣла и тихо говорила. Она объяснила, что получила два удара по головѣ чѣмъ-то тяжелымъ, что ее отуманило и что она только сейчасъ пришла въ себя. При этомъ она, конечно, притворялась, что ничего не знаетъ о судьбѣ доктора.

Черезъ часъ, несмотря на ночное время, въ домѣ появилась полиція.

Такъ какъ Файка уже сидѣла на стулѣ и только жаловалась на сильную головную боль, но говорить могла, то ее опросили.

Она ничего не знала, не помнила, но могла только сообщить описаніе двухъ человѣкъ, которые ворвались къ нимъ въ домъ. Одинъ изъ нихъ былъ высокій съ большой рыжей бородой, другой былъ совсѣмъ черный, какъ цыганъ, и кривой. Онъ-то и ударилъ ее чѣмъ-то по головѣ, и она упала и лишилась чувствъ.

И все заранѣе придуманное Абрамомъ въ подробностяхъ Файка разсказала очень искусно. Всѣ, кто ее слышалъ, равно повѣрили, а кто-то изъ прибывшихъ заявилъ, что наканунѣ видѣлъ около дома какихъ-то двухъ бродячихъ людей, „точію таковскихъ“,

— Это они выглядывали да высматривали,—было рѣшено единогласно.

На слѣдующее утро въ домѣ появились какіе-то приказные въ количествѣ полудюжины. Тутъ былъ одинъ главный начальникъ, степенный и важный, трое приказныхъ и двое простыхъ солдатъ.

Прежде всего трупъ убитаго былъ тотчасъ-же завернутъ въ рогожу и увезенъ въ „убогій домъ“ на Самотеку, куда всегда отвозились жертвы преступленія, если это не были дворяне или богатые семейные люди. Трупъ Зонста увезли потому, что онъ былъ иностранецъ, жилъ одинъ и не имѣлъ никакихъ родственниковъ.

Взломанный сундучекъ, валявшійся около трупа и тоже весь въ крови, конечно, объяснилъ тотчасъ-же мотивъ преступленія.

Все шло своимъ чередомъ и полиція уже собиралась запереть и опечатать весь домъ, приставивъ къ нему стражу, когда вдругъ нечаянно приключилось маленькое обстоятельство, которое заставило главнаго начальника ахнуть и промычать отчасти насмѣшливо:

— Э-ге-ге!

И, когда ближайшій его помощникъ спросилъ у него, въ чемъ дѣло, начальникъ указалъ въ уголъ на полу, гдѣ близъ печки лежалъ довольно большихъ размѣровъ шелковый кошель, съ вышитымъ на немъ золотомъ гладью рисункомъ. Взявъ кошель, начальникъ осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ, затѣмъ положилъ въ карманъ и выговорилъ:

— Эта самая вещица, можетъ быть, собственность убитаго и изъ сундучка, что ограбленъ, а я вотъ чую и полагаю, что ее обронилъ убійца. Такъ мнѣ сдается.

На чемъ основывалъ чиновникъ свое подозрѣніе, онъ не объяснилъ, а, между тѣмъ, онъ былъ правъ. Абрамъ, хватая золото изъ сундука и набивая имъ карманы, замѣтилъ, что его кошель съ однимъ рублемъ да кучей мѣдныхъ денегъ занимаетъ много мѣста въ карманѣ и мѣшаетъ совать туда горсти золота. Онъ выхватилъ его и бросилъ на полъ съ тѣмъ, чтобы потомъ спрятать его за пазуху; когда-же карманы были уже полны и приходилось спасаться, онъ, конечно, не вспомнилъ о кошелѣ.

— Эхъ, обида! забылъ маткино рукодѣлье! — вспомнилъ онъ, уже будучи дома.—А, вѣдь, она мѣсяца два надъ нимъ сидѣла, вышивала. Экая обида!

Мысль, что этотъ кошель, искусно расшитый, можетъ повести къ бѣдѣ, и даже ко многимъ бѣдамъ, конечно, не пришла Абраму на умъ. Онъ не зналъ, что бываютъ случаи, когда не одни люди, а и вещи говорятъ, и говорятъ краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе людей.

(Окончаніе будетъ.)

Старообрядцы въ Петербургѣ.

Очеркъ Н. Васильева.

(Съ рисунками на стр. 873).

Ъ тѣхъ поръ, какъ въ свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова прозвучали радостныя слова Высочайшаго указа о свободѣ совѣсти, сразу проявился у всѣхъ особый интересъ къ нашему русскому старообрядчеству, хотя и не забытому до этого, но отодвигаемому на задній планъ остальными русскими людьми. Сразу захотѣлось всѣмъ узнать, какъ духовно живутъ старообрядцы, какъ молятся, сколько ихъ? Это желаніе поближе познакомиться теперь съ людьми, имѣвшими силу остаться до сихъ поръ при своихъ убѣжденіяхъ, несмотря на постоянныя въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ гоненія, и, наконецъ, получившихъ, благодаря Высочайшей волѣ, возможность впредь свободно слѣдовать этимъ своимъ убѣжденіямъ,— это желаніе вполнѣ понятно.

Въ краткомъ очеркѣ, конечно, трудно изложить исторію старообрядчества и его современное положеніе вообще, да и задача настоящаго очерка другая — познакомить читателей съ старообрядцами Петербурга, попутно кратко лишь коснувшись исторіи согласій, къ которымъ петербургскіе старообрядцы принадлежатъ. Здѣсь ничего не будетъ сказано о сектантахъ — собственно, новѣйшемъ явленіи, ничего общаго съ старообрядчествомъ не имѣющимъ.

Старообрядцы въ Петербургѣ по согласіямъ раздѣляются на четыре главныя группы: ѳедосѣевцевъ, филипповцевъ, поморцевъ и старообрядцевъ австрійскаго согласія, противоокружниковъ, признающихъ священство. Главнѣйшей группой и по количеству членовъ, и по старшинству появленія въ Петербургѣ слѣдуетъ считать *ѳедосѣевцевъ*. Въ средѣ ихъ и теперь находится много именитаго купечества, крупныхъ представителей хлѣбнаго калашниковскаго, мясного, рыбнаго и прочихъ рынковъ. Извѣстный, теперь покойный, петербургскій мануфактуристъ и домовладѣлецъ Егоровъ, устроившій въ Петербургѣ образцовыя бани и не открывшій ихъ при жизни, какъ говорили, благодаря предсказанію цыганки-гадальщицы, будто-бы угрожавшей смертью купцу, если бани будутъ имъ открыты, принадлежалъ также къ ѳедосѣевскому согласію. Этому купцу было дано званіе статскаго совѣтника. При жизни онъ задумалъ устроить въ Петербургѣ, вмѣсто существующей, сравнительно небольшой, молельни на Волковомъ кладбищѣ, громадную каменную и при ней обширную богадѣльню. Полагаясь на званіе «статскаго совѣтника» и его связи, ѳедосѣевцы начали дѣлать купцу пожертвованія на новое зданіе, и, говорятъ, были собраны крупныя суммы, но почему-то зданіе было воздвигнуто только вчернѣ и такъ и до сихъ поръ стоитъ въ запущеніи, заслоняя собою старую молельню ѳедосѣевцевъ. Къ ѳедосѣевцамъ принадлежалъ также извѣстный купецъ Кокоревъ, и теперь его наслѣдники являются видными членами и крупными жертвователями учрежденій ѳедосѣевскаго согласія.

Почти съ самаго основанія Петербурга старообрядцы ѳедосѣевскаго согласія имѣютъ свою собственную молельню въ столицѣ. Сначала она помѣщалась на Фонтанкѣ у Чернышева моста въ домѣ ѳедосѣевца Кидова, который послѣ смерти завѣщалъ свой домъ въ пользу общины ѳедосѣевцевъ. Въ 1723 году молельню на Фонтанкѣ закрыли по распоряженію властей. Послѣ этого ѳедосѣевцами были основаны двѣ молельни на Волковомъ кладбищѣ—мужская и женская. Первая впослѣдствіи, по Высочайшему указу, стала православною церковью (Усценская), а вторая существуетъ и до сихъ поръ въ перестроенномъ видѣ; при ней существуютъ старообрядческое кладбище и богадѣльня, основанная ѳедосѣевцами почти одновременно съ молельней и имѣющая двѣ половины—для православныхъ и для старообрядцевъ. Эта богадѣльня содержится на средства жертвователей-старообрядцевъ, доходовъ съ молельни и кладбища и съ завѣщанныхъ умершими ѳедосѣевцами домовъ и капиталовъ. Въ общемъ ежегодный доходъ ѳедосѣевской общины превышаетъ сумму 100.000 рублей. Теперь богадѣльня ѳедосѣевцевъ числится въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи и, кромѣ выборныхъ отъ старообрядцевъ членовъ комитета, должна имѣть отъ упомянутаго вѣдомства попечителя и смотрителя.

Какая-то непонятная жуть охватываетъ посторонняго посѣтителя владѣній общины ѳедосѣевцевъ на Волковомъ кладбищѣ.

Чистота и порядокъ, какое-то особенное спокойствіе, гармонирующее съ тишиною кладбища, могилы котораго, расположенныя среди густой зелени, всѣ, какъ одна, имѣютъ высокіе восьмиконечные кресты, прикрытые отъ вершины дощатыми откосами. Сравнительно, не особенно большое зданіе молельни, увѣнчанное небольшой главой съ такимъ-же, какъ и на могилахъ, восьмиконечнымъ крестомъ, напоминаетъ о давно минувшемъ, о прежней, старой Руси. Надъ входомъ въ молельню старинная надпись: «Старообрядческая волковская моленна». Внутренность «моленной» представляетъ собою довольно обширный домъ, передняя стѣна котораго сплошь до потолка увѣшана образами стараго письма, со строгими ликами изображенныхъ на нихъ святыхъ. ѳедосѣевцы не признаютъ священства; поэтому у нихъ нѣтъ ни алтаря, ни престола; не совершается у нихъ и проскомидіи, и таинства причащенія. Однако, образа на передней стѣнѣ «моленной», замѣняющей иконостасъ православныхъ храмовъ, расположены въ томъ-же почти порядкѣ, какъ и на иконостасахъ. Только большой образъ Нерукотвореннаго Спаса занимаетъ то мѣсто, гдѣ на иконостасахъ помѣщаются Царскія врата. Влѣво отъ образа Спасителя въ первомъ ярусѣ иконъ, какъ и на иконостасахъ, помѣщается образъ Божіей Матери. Предъ самымъ образомъ Спасителя на амвонѣ стоитъ аналой съ Евангеліемъ и съ водруженнымъ позади, прикрѣпленнымъ къ аналою, большимъ въ серебряной оправѣ восьмиконечнымъ крестомъ.

По бокамъ главнаго аналоя установлены другіе аналои съ иконами и книгами. Предъ аналоями и предъ помѣщающимися иконами въ иконостасѣ стоятъ въ металлическихъ подсвѣчникахъ (такъ-же, какъ и у православныхъ) огромныя «свѣщи», обязательно изъ воска, которыя выливаются самими старообрядцами. Предъ иконостасомъ спускается съ потолка паникадило.

Служба у ѳедосѣевцевъ совершается особыми уставщиками и старцами. Для этого обществомъ выбираются изъ своей среды достойные и искусные въ книжномъ дѣлѣ старообрядцы. Служба ведется при пѣніи женскаго хора, состоящаго изъ пятидесяти и болѣе «особей», старшія изъ которыхъ бываютъ также уставщицами. Пѣвчія живутъ постоянно при молельнѣ въ келіяхъ, въ особомъ прилегающемъ къ молельнѣ зданіи.

Въ пѣніи старообрядческаго хора нельзя услышать сложные мотивы, какіе мы привыкли слышать въ православныхъ церквахъ. Старообрядцы считаютъ грѣхомъ украшать церковное пѣніе сочиненіями новѣйшей музыки. Ихъ пѣніе монотонно, но оно не лишено стройности, отъ него вѣетъ также чѣмъ-то далекимъ, стариной, и часто и не-старообрядецъ, слушая это пѣніе, захочетъ молиться.

Молящіеся въ молельнѣ старообрядцы постоянно должны имѣть предъ собою каждый и каждая коврикъ для поклоновъ и лестовки.

Лестовка у старообрядцевъ имѣетъ то-же назначеніе, что и у монашествующихъ четки, но она сдѣлана особеннымъ образомъ и въ самомъ уже устройствѣ явиденъ символъ. Устраивается лестовка обязательно изъ ремня, а не, какъ четки, изъ шнурка съ нанизанными на него костяными, янтарными, хрустальными или другими шариками. На соединенныхъ концахъ ремня лестовки, вмѣсто креста, какъ у четокъ, пришиты 4 ладонки (лапостки). Между лапостками расположены семь передвижекъ, затѣмъ по ремню идутъ отъ концовъ девять ступенекъ: двѣ малыхъ по три у концовъ и три большихъ посрединѣ, и, кромѣ того, лестовка раздѣлена еще сотней, такъ называемыхъ, «бабокъ», т. е., кожаныхъ узловъ, пластинокъ, ступенекъ. По этимъ ступенькамъ и узламъ старообрядцы, какъ и монашествующіе, молясь, считаютъ число произнесенныхъ молитвъ, «началъ» и возгласовъ.

Женщины въ молельнѣ во время службы должны стоять непремѣнно отдѣльно отъ мужчинъ, на лѣвой сторонѣ.

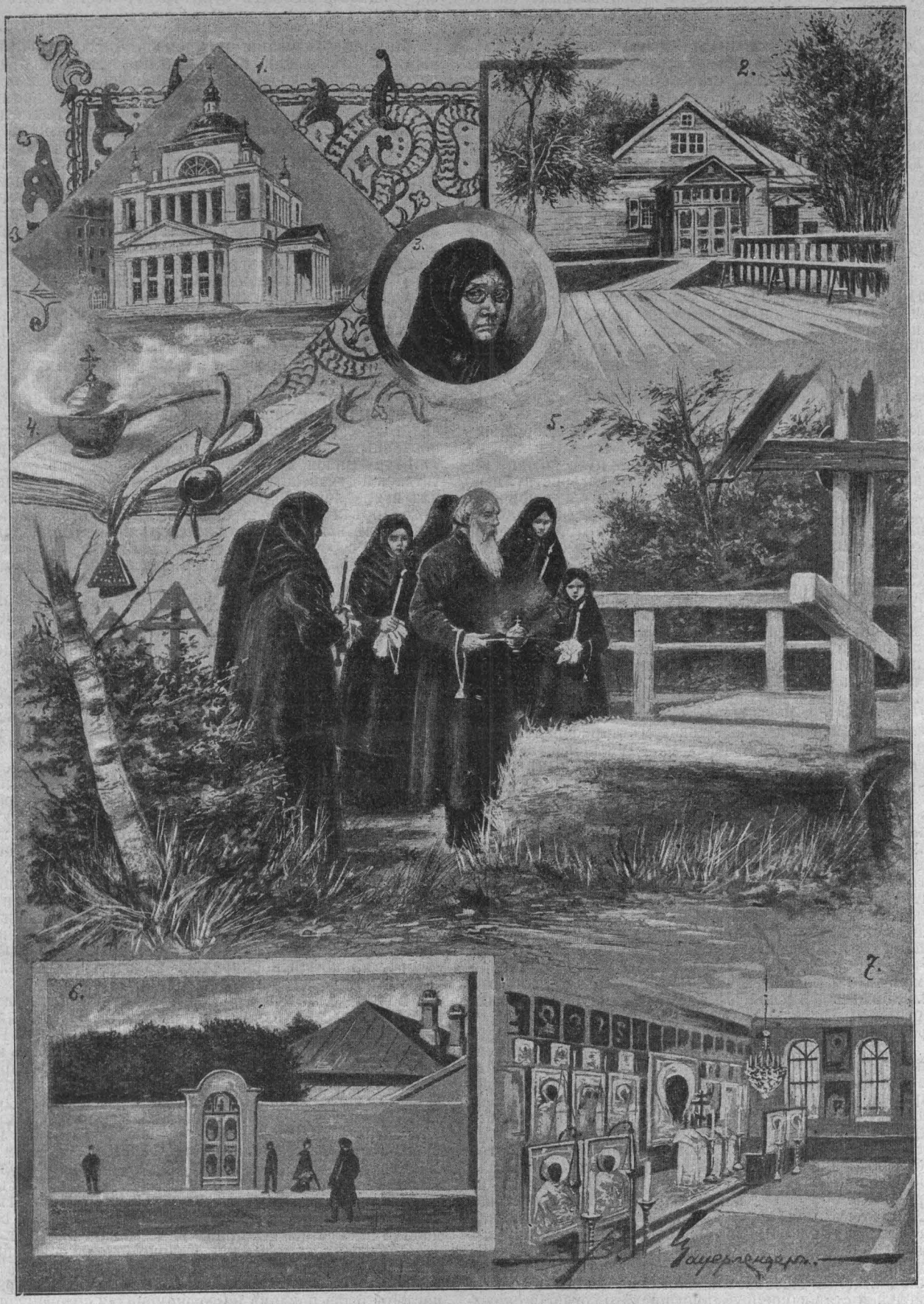
Службы въ старообрядческой молельнѣ совершаются безъ пропусковъ и поэтому очень продолжительны; «всенощное бдѣніе», напримѣръ, вполнѣ оправдываетъ у старообрядцевъ свое названіе. Начинаясь съ вечера, оно оканчивается только утромъ. Панихида совершается въ продолженіе не менѣе 2—2½ часовъ.

Панихиды совершаются у старообрядцевъ только въ самой молельнѣ, на могилахъ-же могутъ быть совершаемы только литіи. На нашемъ рисункѣ изображено совершеніе литіи на могилѣ уставщикомъ съ небольшимъ хоромъ пѣвчихъ. Какъ и у православныхъ, у старообрядцевъ во время совершенія панихиды кадятъ ѳиміамъ, но устройство кадила у старообрядцевъ другое. Кадило ихъ имѣетъ, вмѣсто цѣпочекъ, ручку сбоку, за которую и держитъ кадило уставщикъ, какъ изображено на рисункѣ.

Нѣсколько словъ здѣсь нужно сказать о поминовеніи усопшихъ у старообрядцевъ вообще. «Вѣчное поминовеніе», по ихъ толкованію, должно быть не только періодическимъ, только за службами, а постояннымъ, безпрерывнымъ. И поэтому въ старообрядческихъ молельняхъ установлено постоянное смѣнное дежурство читальщиковъ и читальщицъ, которые непрерывно поминаютъ по синодикамъ имена усопшихъ. Чтеніе при этомъ особо выразительное и называется «погласицей»; въ немъ выражаются и скорбь по усопшимъ, и мольба о спасеніи ихъ душъ.

Вѣчное поминовеніе—одинъ изъ главныхъ доходовъ старообрядческихъ молеленъ. Старообрядцы, желающіе, чтобы имена ихъ усопшихъ родственниковъ поминались вѣчно, дѣлаютъ въ пользу «моленныхъ» иногда очень крупные вклады.

Всѣхъ старообрядцевъ ѳедосѣевскаго согласія въ Петербургѣ насчитываютъ болѣе шести тысячъ человѣкъ. Основан



ЕДИНОВѢРЦЫ И СТАРООБРЯДЦЫ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

1. Единовѣрческая церковь на Николаевской ул. 2. Молельня на Громовскомъ кладбищѣ. 3. Уставщица. 4. Кадило и лестовка. 5. Литія у могилы. 6. Молельня на Лиговской ул. 7. Внутренній видъ старообрядческой молельни. Оригин. рис. **В. Зауерлендера.**

ная ими богадѣльня вмѣщаетъ до 500 призрѣваемыхъ обоего пола. Послѣ Высочайшаго указа 18-го апрѣля ѳедосѣевцы рѣшили отдѣлать начатое купцомъ Егоровымъ зданіе и помѣстить въ него, между прочимъ, старообрядческую школу.

Очень близко по своимъ обрядностямъ къ ѳедосѣевцамъ подходитъ группа другихъ старообрядцевъ-безпоповцевъ, имѣющихъ свои молельни въ Петербургѣ, *«поморцевъ»*. Поморцевъ въ Петербургѣ нѣсколько меньше, чѣмъ ѳедосѣевцевъ, но, тѣмъ не менѣе, они имѣютъ двѣ молельни въ Петербургѣ: на Лиговской улицѣ и на Малой Охтѣ, гдѣ есть и богадѣльня на шестьдесятъ человѣкъ. Устройство поморскихъ молеленъ и вообще весь «уставъ» поморцевъ очень сходенъ съ «уставомъ» ѳедосѣевцевъ, и потому отдѣльно описывать ихъ молельни нѣтъ основанія. Ниже будетъ сказано, какъ образовались то и другое согласія, да и вообще всѣ другія разновидности старообрядчества. Здѣсь скажемъ лишь, что современные старообрядцы-петербуржцы—ѳедосѣевцы—иногда даже посѣщаютъ для молитвъ и молельни поморцевъ, и наоборотъ. Выше упомянуто, что наслѣдники Кокорева являются крупными жертвователями молельни ѳедосѣевцевъ, и эти-же лица жертвуютъ и въ молельни поморцевъ, а молельня поморцевъ на Лиговкѣ среди старообрядцевъ даже носитъ названіе «Кокоревской», такъ какъ въ ней находятся фамильныя иконы знаменитаго покойнаго откупщика.

Молельни поморцевъ въ Петербургѣ существуютъ около ста пятидесяти лѣтъ.

Незначительно въ Петербургѣ количество старообрядцевъ *филипповскаго* согласія, являющихся такъ-же, какъ и ѳедосѣевцы, вѣтвью отъ поморцевъ. Филипповцы имѣютъ одну молельню на Коломенской улицѣ, также и по устройству, и по «уставу» сходную съ молельнями ѳедосѣевцевъ и поморцевъ.

Совсѣмъ иное, чѣмъ ѳедосѣевцы, поморцы и филипповцы, являютъ изъ себя старообрядцы четвертой петербургской группы — *австрійскаго согласія*, пріемлющихъ священство. Внутреннее устройство молеленъ у старообрядцевъ австрійскаго согласія такое-же, какъ въ православныхъ храмахъ, внѣшній порядокъ службы у нихъ почти тотъ-же, что и у православныхъ. У нихъ есть и священники, и дьяконы, даже епископы. Священнослужители совершаютъ службы въ такихъ-же, какъ и у православныхъ, облаченіяхъ. Отличіе только въ томъ, что у старообрядцевъ австрійскаго согласія священнослужители свои. Они посвящены въ священство не православными, а своими епископами и православною церковью за священниковъ не признаются. У австрійскаго согласія въ Петербургѣ три молельни: Громовская—на Громовскомъ старообрядческомъ кладбищѣ, Охтенская и «Дмитріевская». «Дмитріевская» помѣщается въ домѣ, пожертвованномъ извѣстнымъ, нынѣ покойнымъ, петербургскимъ извозопромышленникомъ купцомъ Аѳанасіемъ Дмитріевичемъ Дмитріевымъ, на Лиговской улицѣ, противъ Кузнечнаго переулка и свое названіе получила отъ имени жертвователя. Наружный видъ этой молельни съ Лиговской улицы изображенъ у насъ на рисункѣ № 6. Самая молельня помѣщается въ небольшомъ, сравнительно, одноэтажномъ домѣ, скрытомъ за высокимъ каменнымъ заборомъ, выкрашеннымъ въ свѣтло-зеленоватую краску. Въ этомъ заборѣ устроенъ и входъ въ молельню, изображенный на рисункѣ. Надъ дверями во входѣ помѣщается большое старинное мѣдное распятіе. Прихожане «Дмитріевской» молельни на Лиговкѣ насчитываютъ въ своей средѣ, какъ и ѳедосѣевцы, много петербургскаго именитаго купечества, особенно изъ крупныхъ извозопромышленниковъ «Ямской слободы» и калашниковскихъ хлѣботорговцевъ.

Старообрядцы австрійскаго согласія раздѣляются на окружниковъ и противоокружниковъ. Прихожане «Дмитріевской» молельни—противоокружники. Раздѣленіе произошло около сорока лѣтъ тому назадъ, когда первый русскій старообрядческій архіерей Софроній, посвященный въ Австріи, въ Бѣлой Криницѣ, задумалъ основать на Руси свою, независимую отъ Бѣлой Криницы, митрополію и провозгласилъ себя патріархомъ московскимъ и всея Руси. Этому воспротивился другой русскій старообрядческій архіерей, Антоній, который написалъ окружное посланіе противъ Софронія и разослалъ его по старообрядцамъ. Софроній въ 1863 году былъ низложенъ, но, несмотря на это, нѣкоторые изъ старообрядцевъ не приняли окружнаго посланія; поэтому и явились противоокружники и окружники. До этого раздѣленія всѣ старообрядцы австрійскаго согласія молились въ Громовской молельнѣ, на Громовскомъ кладбищѣ, за Московской заставой, считающейся теперь молельной старообрядцевъ австрійскаго согласія окружниковъ. При Громовской молельнѣ, носящей названіе также по имени жертвователей и основателей петербургскихъ лѣсоторговцевъ купцовъ Громовыхъ, также существуетъ богадѣльня. Наружный видъ Громовской молельни изображенъ у насъ на рисункѣ № 2-й. Внутреннее устройство ея ничѣмъ не отличается отъ устройства православныхъ храмовъ. Въ обрядностяхъ и вообще въ уставѣ богослуженія нѣтъ никакой разницы съ обрядностями и съ уставомъ противоокружниковъ. Молельня старообрядцевъ австрійскаго согласія окружниковъ на Охтѣ существуетъ всего около двадцати лѣтъ.

Исторія образованія старообрядческихъ согласій въ общихъ чертахъ слѣдующая. Какъ извѣстно, главной причиною къ расколу въ нашей церкви послужило исправленіе церковныхъ книгъ. Между прочимъ, старообрядцы напрасно приписываютъ все одному патріарху Никону. Вопросъ о томъ, что церковныя книги слѣдуетъ пересмотрѣть и исправить, возникъ почти столѣтіемъ раньше Никона. Книги тогда не печатались, а переписывались, при перепискѣ текстъ искажался; это и послужило поводомъ къ возникновенію вопроса объ исправленіи. Еще раньше Стоглаваго собора, бывшаго въ 1550 г., ученому монаху Максиму Греку поручали исправлять книги. Стоглавый соборъ также постановилъ исправить книги. Исправляли книги и въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича, при патріархѣ Филаретѣ, но, такъ какъ эти исправленія были поручаемы необразованнымъ, не знающимъ греческаго языка протопопамъ и поповскимъ старостамъ, то вмѣсто исправленія книги подверглись еще большимъ искаженіямъ. При патріархѣ Іосифѣ въ исправленіи церковныхъ книгъ принималъ участіе даже самъ знаменитый юрьевскій протопопъ Аввакумъ, впослѣдствіи главный противникъ Никона и, можно сказать, основатель старообрядчества.

Никонъ былъ выбранъ въ патріархи послѣ смерти Іосифа, въ 1652 году, т. е., черезъ 102 года послѣ Стоглаваго собора, и ему только принадлежитъ та заслуга въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ, что онъ довелъ его до конца; притомъ въ 1654 году Никономъ былъ созванъ соборъ изъ русскихъ святителей и духовенства, благословившій начало предпринятаго имъ исправленія. Черезъ два года книги были исправлены и 23-го апрѣля 1656 года опять былъ созванъ соборъ, который утвердилъ исправленіе и наложилъ проклятіе на двуперстіе. Этимъ-же соборомъ разрѣшена къ печати составленная греческимъ іеромонахомъ Наѳанаиломъ книга подъ заглавіемъ «Скрижаль».

Въ этой «Скрижали» излагались литургія, таинства и обряды такъ, какъ ихъ понимали въ греческой церкви. Къ «Скрижали» были сдѣланы приложенія: дѣянія московскаго собора 1654 г. и константинопольскаго, подтвердившаго постановленія перваго собора, слово о вредѣ иподіакона Петра Дамаскина, о крестномъ знаменіи и вообще статьи по всѣмъ вопросамъ, которые до сихъ поръ служатъ причиною разногласій между православною церковью и старообрядчествомъ, и старообрядцы критикуютъ «Скрижаль» Никона и по сіе время.

Противники Никона скажутъ: не мудрено, что соборъ сдѣлалъ такое постановленіе, такъ какъ члены его были до нѣкоторой степени подчинены Никону, но, послѣ жалобъ на Никона, самъ царь Алексѣй Михаиловичъ собралъ въ февралѣ 1666 г. новый соборъ, который подтвердилъ постановленія предыдущаго и разослалъ по всѣмъ церквамъ составленное имъ общее наставленіе къ духовенству, въ которомъ убѣждалъ не уклоняться въ расколъ, а слушаться православной церкви. Въ декабрѣ 1667 года въ Москвѣ былъ снова собранъ соборъ, на которомъ присутствовали патріархи антіохійскій Макарій и александрійскій Паисій. И на этомъ соборѣ все совершенное Никономъ было признано правильнымъ, а Стоглавый соборъ, на который опирались приверженцы старины, осужденъ.

Всѣ не покаявшіеся послѣ этого собора приверженцы старообрядчества изъ священнослужителей лишались сана и заточались въ монастыри или просто ссылались. Протопопъ Аввакумъ былъ сосланъ въ Пустоозерскій острогъ вмѣстѣ съ попомъ Никитою и многими другими наиболѣе ярыми противниками новшествъ. Тамъ ихъ, несмотря на строгій наказъ высшаго начальства, держали очень свободно и, сносясь отчасти съ родственниками и знакомыми, они держали горячую проповѣдь о ереси новшествъ и сразу пріобрѣли много приверженцевъ, главнымъ образомъ, въ Поморьѣ, гдѣ еще до собора 1667 года, благодаря возмущенію соловецкихъ монаховъ противъ исправленныхъ книгъ, явились ярые защитники старообрядчества. Въ 1657 г. былъ присланъ въ Соловецкій монастырь исправленный служебникъ, но соловецкіе монахи отказались его принять. До собора 1667 г., т. е., въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, на противленіе соловецкихъ иноковъ не обращали особеннаго вниманія. Но въ сентябрѣ 1667 года, значитъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до собора, изъ монастыря была послана царю знаменитая соловецкая челобитная, въ которой обстоятельно излагались мотивы, по которымъ старое монахи считали лучше новаго, и въ заключеніе говорилось, что соловецкіе иноки рѣшились лучше умереть, чѣмъ послѣдовать новому. (Соловецкая челобитная до сихъ поръ очень цѣнится у старообрядцевъ.) За эту челобитную царь отнялъ у монастыря богатыя береговыя вотчины. Однако, это не поколебало монаховъ и тогда противъ нихъ было рѣшено употребить вооруженную силу. Иноки и этого не испугались; они сами просили, чтобы имъ позволили пострадать по ихъ

убѣжденіямъ, за правое дѣло. Въ монастырѣ было запасено много хлѣба, 90 пушекъ, до 400 пудовъ пороха, а толстыя монастырскія стѣны могли выдержать долгую осаду. Осада началась и продолжалась въ теченіе цѣлыхъ семи лѣтъ. Три предводителя царскихъ войскъ смѣнились во время осады, и, можетъ быть, такъ и не сдался-бы монастырь, но среди защитниковъ его нашелся измѣнникъ, вслѣдствіе чего монастырь и былъ взятъ 22-го января 1676 г. Борьба монастыря, страданія соловецкихъ иноковъ за вѣру, конечно, очень способствовали успѣхамъ проповѣди Аввакума и другихъ староучителей, и старообрядчество прочно установилось сперва, главнымъ образомъ, въ Поморьѣ.

Однако, среди самаго старообрядчества, даже среди его первыхъ учителей, сразу-же произошла и рознь. Аввакумъ еще спорилъ съ дьякономъ Ѳеодоромъ по вопросамъ обрядности, и въ концѣ шестнадцатаго вѣка старообрядчество распалось на двѣ главныя части: поповщину и безпоповщину. Къ безпоповцамъ отошли самые ярые приверженцы старообрядчества, находившіе, что съ новшествами пришло на землю царство антихриста, и, слѣдовательно, православіе утрачено, не осталось ни церкви, ни таинствъ, не можетъ быть и священства. Поповцы не доходили до такихъ крайностей. Они защищали старую вѣру и надѣялись, что она не можетъ быть утрачена совсѣмъ. Въ Поморьѣ, бывшемъ основнымъ очагомъ старообрядчества, главнымъ образомъ, распространилось безпоповщина. Тамъ и раньше, благодаря природнымъ условіямъ, поморцамъ приходилось подолгу обходиться безъ священниковъ. Это не могло не имѣть вліянія при основаніи старообрядчества.

Сначала старообрядцы, конечно, не имѣли организаціи, ихъ ученія не были формулированы. Но, естественно, долго такъ не могло продолжаться: должны были явиться люди, чтобы стать во главѣ старообрядчества. Такіе люди явились, но явилось ихъ нѣсколько, хотя и съ небольшою разницей въ убѣжденіяхъ, но зато каждый изъ нихъ имѣлъ большое желаніе сдѣлаться первымъ. Первымъ руководителемъ безпоповцевъ былъ Андрей Денисовъ, родоначальникъ поморскаго согласія, настоятель возникшей въ концѣ XVII вѣка въ Поморьѣ старообрядческой Выгорецкой пустыни. Тогда же явился и Ѳеодосій, основатель ѳедосѣевскаго согласія. Онъ былъ въ Крестецкомъ ямѣ, затѣмъ основалъ скитъ въ Невельскомъ уѣздѣ и написалъ основы религіознаго ученія безпоповцевъ. Узнавъ о Выгорецкой пустыни, онъ завелъ съ нею сношенія, но разошелся изъ-за надписи на крестѣ. Ѳеодосій находилъ надпись «І. Н. Ц. І.» правильною, а поморцы говорили, что древняя надпись была: «Царь славы Іисусъ Христосъ симъ побѣждай». Ѳеодосій не сошелся съ Денисовымъ еще въ вопросѣ о бракахъ. Послѣдній не признавалъ браковъ, заключенныхъ православными священниками.

Филипповское согласіе образовалось позже, въ 1730 г.; основатель его—инокъ выгорецкой-же обители Филиппъ, въ мірѣ Фотій. Онъ ушелъ изъ монастыря и основалъ келіи на Умбѣ, не желая подчиниться требованію молиться за царя. Противъ него была выслана воинская команда. Филиппъ заперся въ избѣ и сжегъ себя вмѣстѣ съ семьюдесятью своими приверженцами. Однако, послѣ него остались ученики, и филипповское согласіе существуетъ и до сихъ поръ.

Позже отъ безпоповцевъ отдѣлилось еще множество вѣтвей, часто изъ-за самыхъ малыхъ причинъ.

Заканчивая настоящій очеркъ о петербургскихъ старообрядцахъ, мы, не касаясь вопроса о сущности ихъ религіозныхъ воззрѣній, находимъ нужнымъ отмѣтить лучшую сторону ихъ быта—единеніе и порядокъ, тотъ старый порядокъ, которымъ была сильна Русь. Твердо памятуютъ старообрядцы, что въ единеніи—сила, и объединяются вокругъ своихъ моленъ-приходовъ. Тысячи старообрядцевъ насчитываются въ Петербургѣ, но всѣ отдѣльныя единицы этихъ тысячъ хорошо знаютъ другъ друга, даже слѣдятъ другъ за другомъ, чтобы помочь въ нуждѣ, чтобы замѣтить способности въ молодыхъ членахъ. Способный молодой старообрядецъ, изъ коренныхъ-ли жителей Петербурга, или вновь прибывшій, не пропадетъ: его замѣтятъ и помогутъ сдѣлаться человѣкомъ. Въ семейномъ укладѣ старообрядцевъ замѣчается также симпатичный древне-русскій порядокъ, который такъ ярко оттѣненъ еще Лермонтовымъ въ его «Пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ».

Вотъ почему старообрядцы сильны и духомъ, и матеріально, вотъ почему они и заслужили названіе лучшихъ истинно-русскихъ людей.

На нашемъ рисункѣ (№ 1) изображена единовѣрческая церковь въ Петербургѣ. Она помѣщается на Николаевской улицѣ, на углу Кузнечнаго переулка. Всѣхъ единовѣрческихъ храмовъ въ Петербургѣ четыре (другіе три—на Волковскомъ кладбищѣ, на Захарьевской ул. и на Охтѣ). Единовѣріе—не старообрядчество. Оно установлено православной церковью, чтобы побудить старообрядцевъ къ возсоединенію съ православіемъ. Въ единовѣрческихъ храмахъ допускается совершать богослуженія и таинства по старопечатнымъ книгамъ и по старымъ обрядамъ, но при этомъ священники ставятся въ единовѣрческіе храмы отъ православныхъ архіереевъ. Первые единовѣрческіе приходы образовались въ 1788 г. Черезъ двѣнадцать лѣтъ, въ 1800 г., императоромъ Павломъ I были утверждены составленные митрополитомъ Платономъ «Пункты о единовѣріи». Среди старообрядческихъ священнослужителей были дѣятели въ пользу единовѣрія. Строитель старообрядческаго монастыря на Иргизѣ Сергій старался обратить въ единовѣріе всѣ иргизскіе старообрядческіе монастыри.

КОНЕЦЪ.

НА ОКРАИНѢ.

Очеркъ Е. Лазореваго.

(Продолженіе).

ГРОМКІЙ голосъ Валерьяна Аркадьевича Окатова привлекъ общее вниманіе. Двери изъ комнатъ отворились, головы обитателей Societet Huset высунулись въ коридоръ; всѣ внимательно прислушивались къ словамъ говорившаго.

Окатовъ замѣтилъ непрошенныхъ слушателей.

— Вотъ не угодно-ли вамъ, и примѣръ налицо: по-русски говорить сами не изволятъ, понимать не понимаютъ, а, когда подслушать приходится, откуда и пониманіе является.

Головы исчезли, двери закрылись.

— Поняли, намотали себѣ на усъ, и то хорошо.

Художнику дѣлалось неудобнымъ оставаться долѣе въ коридорѣ и привлекать общее вниманіе.

— Пойдемте лучше ко мнѣ въ комнату,—предложилъ онъ собесѣднику.

— Вамъ неудобно, а я такъ напротивъ: пусть слушаютъ чаще мои поученія и исправляются! Впрочемъ, къ чему васъ въ это дѣло путать. Пойдемте къ вамъ.

Въ комнатѣ художника Окатовъ разошелся еще болѣе.

— А введеніе воинской повинности! Когда шведы всѣми правдами и неправдами мутили народъ не являться на призывъ, когда заводчики объявляли во всеуслышаніе, что каждый, кто пойдетъ на призывъ, навсегда лишится у нихъ заработка, а уклонившійся—получитъ прибавку! А вздорныя, лживыя, сѣющія раздоръ и ненависть къ русскимъ прокламаціи, присылаемыя сюда тайно изъ Швеціи въ милліонахъ экземпляровъ, печатаемыя даже здѣсь, и вовсе не такъ скрытно. Вотъ не угодно-ли полюбоваться, сегодня вмѣстѣ съ газетами мною получена! Развѣ это похоже на то благородство, на ту пресловутую честность, которой хвастаются финны? Нѣтъ тысячу разъ нѣтъ,—закричалъ Окатовъ.—Я увѣренъ, что долго не придется ожидать, шведоманская партія въ своей дикой ненависти и травлѣ всего русскаго не постыдится прибѣгнуть и къ убійствамъ, не хуже анархистовъ. Повѣрьте, и этому они найдутъ оправданія. Они, точно хитрыя лисы, прячутся за свой пресловутый патріотизмъ, какъ за ширмы. Послушайте, какая радость царитъ среди нихъ при каждой неудачѣ русскихъ на Дальнемъ Востокѣ! Посмотрите на ихъ витрины около книжныхъ магазиновъ! Какіе рисунки, какія книги выставлены: о побѣдѣ японцевъ надъ русскими, «Потопленіе Петропавловска»», «Японія, какъ передовая страна», «Высшая культура страны восходящаго солнца», «Регрессы русской политики»... А каррикатуры на насъ, русачковъ, вы видѣли?.. Вотъ почему я считаю своею обязанностью, какъ русскій, сбивать имъ спесь, гдѣ только могу, учить ихъ, что Россія сильнѣе ихъ, во всякомъ случаѣ, и...

Тутъ Валерьянъ Аркадьевичъ запнулся и умолкъ.

— Все это прекрасно, милѣйшій другъ, учите мужчинъ, сбивайте имъ спесь, сколько вамъ заблагоразсудится... Но оставьте въ покоѣ женщинъ; чѣмъ онѣ виноваты во всемъ этомъ?—возразилъ Фейерабендъ, вспомнивъ о вчерашнемъ случаѣ въ магазинѣ Янса.

Окатовъ залился громкимъ смѣхомъ.

— Чѣмъ онѣ виноваты? Ахъ вы, чудакъ! право, чудакъ! Да кто-же больше всего принимаетъ участіе во всѣхъ этихъ демонстраціяхъ, кто «подзуживаетъ» мужей, сыновей, братьевъ на сопротивленіе, кто—главное зло? Женщины! Едва-ли вы знакомы съ м-мъ Хольмъ, женою здѣшняго начальника телеграфа, но могу вамъ порекомендовать ее въ этомъ случаѣ. Болѣзненное, хрупкое существо, она, тѣмъ не менѣе,—душа здѣшней шведоманской партіи. Благодаря ея дьявольскому краснорѣчію, не мало лицъ изъ старой партіи перешло въ «молодую» и сдѣлалось ярыми противниками всего русскаго.

ПРОТОПОПЪ АВВАКУМЪ. Съ картины **С. Д. Милорадовича** гравир. для „Родины“ **В. Цехомскій.**

Сканировал редуктор
rutracker.org

ТАТАРСКІЯ ЦАРИЦЫ ПРЕДЪ ІОАННОМЪ ГРОЗНЫМЪ.
Оригинальный рисунокъ **Б. Кремлева;** гравир. для „Родины“ **И. Юревичъ.**

Художникъ съ негодованіемъ слушалъ своего собесѣдника. Эта изящная женщина, съ загадочными искрящимися глазами, эта чудная, одаренная натура, артистка и она-же—заядлая заговорщица, убѣжденный врагъ Россіи? не можетъ быть, Окатовъ ошибается!

И онъ спросилъ послѣдняго:

— Эллина Хольмъ? Я не вѣрю этому, потому что знаю ее хорошо; ея артистическая натура чужда насилія.

— Ага, и вы, милый другъ, попали въ силокъ къ этой загадочной женщинѣ! Я знаю ее лучше васъ, повѣрьте мнѣ, и ближе знакомъ съ нею, чѣмъ кто-либо,—открыто сказалъ русскій:—я вполнѣ убѣжденъ, что въ лицѣ ея русскіе имѣютъ одного изъ злѣйшихъ своихъ враговъ. Еще недавно въ «Fria Ord», въ газетѣ, печатаемой тайнымъ образомъ, была ея статья, гдѣ она въ очень убѣжденныхъ выраженіяхъ приглашала финляндцевъ брататься со всѣми нашими инородцами и всю свою ненависть обратить на русскихъ. Въ этой статьѣ указывалось, къ какимъ мѣрамъ должны прибѣгнуть наши внутренніе враги, чтобы лишить Россію надежнѣйшаго оплота ея вѣкового могущества, ея государственнаго строя, и отдать ее во власть политическихъ партій, которыя неминуемо ослабятъ насъ и предадутъ въ руки страстно ожидающихъ этого момента нашихъ враговъ.

— Но откуда вы знаете, что Эллина Хольмъ—авторъ этой статьи?—пристально вглядываясь въ Окатова, спросилъ Фейерабендъ,—вы можете ошибаться.

Улыбка пробѣжала по лицу русскаго.

— Ошибиться я не могъ, потому что самъ видѣлъ эту рукопись, написанную ея рукою, въ ея домѣ.

Художникъ считалъ себя не въ правѣ дѣлать дальнѣйшіе разпросы. Покрывало, которымъ была закрыта тайна Эллины, оказалось сдернутымъ болѣе чѣмъ наполовину.

— Берегитесь и вы, мой другъ, запутаться въ силокъ; выпутаться изъ него не легко. Женщины, подобныя Эллинѣ Хольмъ, не поступаются своими правами, прощать онѣ не умѣютъ.

Пріятели сидѣли не долго вмѣстѣ. Окатовъ понялъ, что его откровенія произвели на художника гнетущее впечатлѣніе, и поспѣшилъ уйти отъ него, ссылаясь на какое-то дѣло.

Долго сидѣлъ еще, задумавшись, молодой человѣкъ. Онъ пріѣхалъ сюда изъ Петербурга отдохнуть, написать этюды вдали отъ царящей въ столицѣ сутолоки. Еще въ Петербургѣ предупреждали его, какъ недружелюбно относятся на финляндскомъ побережьѣ къ пріѣзжимъ русскимъ, и ввиду этого художникъ, по матери чистокровный русскій, рѣшилъ назваться нѣмцемъ, дабы избѣжать всѣхъ непріятностей политическаго антагонизма, и, какъ нарочно, едва минуло десять дней со дня пріѣзда, какъ онъ ввязался въ самую кашу политическихъ интригъ.

«Что будетъ, то будетъ, но отступать я не намѣренъ,—рѣшилъ Фейерабендъ.—Разумѣется, ни доносчикомъ, ни убѣжденнымъ сторонникомъ пресловутаго сепаратизма я не сдѣлаюсь, а посмотрѣть и понаблюдать эту незнакомую мнѣ среду, живущую всецѣло интересами политической интриги, я не откажусь».

И онъ принялся за набросокъ, начатый имъ сегодня утромъ въ скалахъ у моря.

XI.

Въ воскресенье, въ назначенный часъ, Фейерабендъ зашелъ за Эдвигъ, чтобы вмѣстѣ съ нею отправиться въ лѣсъ.

Она была уже готова. Финскій костюмъ очень шелъ дѣвушкѣ, распущенные волосы ея были схвачены вокругъ головы пестрою лентою. Поверхъ бѣлой кофты былъ надѣтъ голубой нагрудникъ, переходившій въ юбку. Спереди юбки спускался красный передникъ. Овальная серебряная брошка застегивала слегка вырѣзанный воротъ.

— Идемте, фрэкенъ Янса,—сказалъ художникъ, восхищенно взглянувъ на свою будущую модель.

Утро было довольно свѣжее. Эдвигъ слегка поводила плечами. Молодой человѣкъ замѣтилъ это и спросилъ:

— Вамъ холодно, фрэкенъ Эдвигъ?

— Немного. Это ничего, теперь становится теплѣе.

На опушкѣ лѣса было пустынно, умолкшая, ввиду праздника, кузница одиноко выглядывала изъ-за кустовъ можжевельника. Густая стѣна елей низко опустила тяжелыя вѣтви, синѣя старою хвоей. Гдѣ-то слабо свистѣла пичужка, звонко раздавался стукъ дятла, шумѣла вѣтками бѣлка.

Выбравъ удобный фонъ для будущей картины, художникъ поставилъ свою спутницу у ствола ели въ позѣ задумавшейся молодой крестьянки и усердно принялся за работу. На бѣломъ холстѣ скоро появился образъ Эдвигъ, умѣло зачерченный углемъ привычною рукою художника. Онъ такъ увлекся работою, что не замѣчалъ усталости, обнаруживаемой дѣвушкой, стоявшей въ одной позѣ.

— Отдохнуть можно?—услышалъ онъ голосъ Эдвигъ и спохватился.

— Боже мой! какой я разсѣянный, я совсѣмъ позабылъ, что вы можете устать... Довольно, черезчуръ довольно на сегодня, фрэкенъ Эдвигъ!—смущенно проговорилъ Фейерабендъ, подбѣжавъ къ дѣвушкѣ. — Девять часовъ, — продолжалъ онъ, взглянувъ на часы, — болѣе полутора часа я заставилъ васъ выстоять. Это, право, безбожно.

— Я нисколько не устала,—съ улыбкой отвѣтила Эдвигъ.—Напротивъ того, меня радовало ваше рвеніе къ работѣ, я очень цѣню людей, любящихъ свое дѣло, свою работу.

Они сѣли на скамью около кузницы. Мимо нихъ проѣзжали одна за другой телѣжки съ подгородными финнами, направлявшимися въ городскую кирку.

— Люди ѣдутъ молиться, а вы работаете, — пошутила дѣвушка.

— Работа теперь окончена, можно и намъ идти туда-же, если хотите, — отозвался художникъ.

— Не стоитъ, послѣ обѣда мнѣ придется все равно отправиться къ пастору Хорсту.

— А зачѣмъ?

— У него сегодня соберутся многіе изъ прихожанъ, онъ будетъ проповѣдывать у себя на лугу.

— Могу я съ вами тоже пойти?

Дѣвушка замялась.

— Едва-ли вамъ будетъ интересно; да къ тому-же онъ будетъ говорить половину проповѣди по-фински, половину по-шведски.

— Сама проповѣдь меня очень мало интересуетъ,—возразилъ Фейерабендъ, — мнѣ хочется посмотрѣть на всю обстановку ея, это дастъ мнѣ оригинальный матеріалъ для картины.

— Въ такомъ случаѣ, пойдемте со мною. Пасторъ Хорстъ живетъ недалеко отъ города, въ пасторатѣ. Намъ придется подняться на этотъ пригорокъ, за нимъ, почти на берегу моря, и пасторатъ.

Они возвратились въ городокъ. Эдвигъ пошла домой, а художникъ, проводивъ дѣвушку, отправился кататься на яхтѣ съ почтмейстеромъ.

— Смотрите, пріятель,—шутливо грозя пальцемъ, замѣтилъ ему Кукъ, когда ихъ яхта, вырвавшись на морской просторъ, зарылась носомъ въ пѣнѣ встрѣчной волны, — не отбивайте отъ нашей молодежи одну изъ самыхъ хорошенькихъ нашихъ горожанокъ.

Художникъ вопросительно взглянулъ на Кука.

— Какимъ невиннымъ притворяется! Весь городъ знаетъ и видитъ, какъ вы ухаживаете за фрэкенъ Янса.

— Вовсе нѣтъ, она мнѣ оказала двѣ услуги: достала національные костюмы и позируетъ для моей картины.

— Ой, такъ-ли только? Я самъ былъ молодъ, самъ ухаживалъ за дѣвушками и мнѣ кажется, что всегда начинается къ родѣ этого. Я, напримѣръ, съ моей покойной женой, когда она была еще въ дѣвушкахъ, часто предпринималъ прогулки по морю, ловилъ съ нею рыбу. Ну, и самъ попался, какъ лосось, въ ея сѣти! — громкимъ смѣхомъ закончилъ бывшій капитанъ.

Художнику въ первый разъ пришла въ голову мысль, что своими частыми посѣщеніями книжнаго магазина и писаніемъ съ дѣвушки этюда онъ невольно порождаетъ массу толковъ въ городкѣ, съ его своеобразными понятіями объ отношеніяхъ чужого мужчины къ дѣвушкѣ. Убаюкиваемый волнами маленькой яхты и предоставивъ управленіе ею всецѣло ея хозяину-почтмейстеру, молодой человѣкъ вытянулся на днѣ и началъ размышлять. Мысль его быстро полетѣла къ Эдвигъ, въ головѣ невольно рождался вопросъ:

«Что я къ ней чувствую? Любовь? Нѣтъ, это — не любовь, скорѣе это чувство можно назвать дружбою, пріязнью. Но развѣ можетъ такъ скоро образоваться дружба между людьми, знакомыми чуть-ли не со вчерашняго дня?.. Кукъ говоритъ, что я ухаживаю. Странно, я и не думалъ объ этомъ. Но, во всякомъ случаѣ, нужно-же выяснить, заставить понять другихъ это! Но какъ, какимъ образомъ?»

Тщетно отыскивалъ художникъ выходъ изъ этого положенія.

«Если я прекращу дальнѣйшіе сеансы ея позированія для моей картины?.. Нѣтъ, неудобно, могутъ подумать совершенно иначе объ этомъ. Уѣхать изъ городка? Это еще больше наброситъ тѣнь на Эдвигъ. Что-же предпринять?»

XII.

— О чемъ задумались? — услышалъ онъ голосъ Кука, — боитесь, чтобы фрэкенъ Янса въ васъ не влюбилась?

«Влюбилась!» — промелькнуло въ головѣ Фейерабенда.

Думая о своихъ отношеніяхъ къ дѣвушкѣ, онъ совершенно упустилъ изъ вида ея чувства къ нему.

Неужели она, эта серьезная, строго смотрящая на жизнь, ярая поборница идеи сепаратизма, отдающаяся чуть-ли не всецѣло интересамъ своей партіи, можетъ полюбить его, пришлаго, совершенно ей чуждаго по всему человѣка?

Не можетъ быть! Но къ чему-же тогда та готовность къ услугамъ, которыя могутъ легко повредить ей и уже отчасти повредили во мнѣніи мѣстныхъ обывателей?

Художникъ вспомнилъ, что при его появленіи въ магазинѣ, при встрѣчахъ съ нимъ Эдвигъ вся преображалась, въ глазахъ ея замѣчалась радость, улыбка не покидала ея губъ. Пришло ему на память и то обстоятельство, что дѣвушка, требовательная и строгая ко всѣмъ, зачастую извиняла художнику его неловкости; не раздражалась за рѣзкость его мнѣній о людяхъ, къ которымъ она относилась чуть-ли не съ благоговѣніемъ...

«Кукъ правъ, — продолжалъ свои размышленія художникъ, — въ душѣ Эдвигъ распускается цвѣтокъ, который зовется любовью. Задача представляется для меня еще труднѣе, я не могу по многимъ причинамъ сочувствовать дѣвушкѣ. Было-бы безчестно не предупредить ея объ этомъ, но какъ? Уѣхать, пока это чувство у нея еще въ зачаткѣ?»

Художнику было жалко покидать пріютившій его городокъ, ему жилось въ немъ мирно, въ короткое время пребыванія здѣсь онъ успѣлъ обжиться. Русская натура не любитъ перемѣнъ, и вдругъ теперь ему приходилось покидать мирную пристань и тащиться отыскивать другой пріютъ.

«Не стоитъ изъ-за этого, — рѣшилъ художникъ, — буду показывать ей мою холодность. Эдвигъ — умная дѣвушка, она сразу пойметъ это».

Яхта далеко отошла отъ берега: прибережныя скалы сѣрыми очертаніями чуть отдѣлялись отъ воды, стоящій на нихъ городокъ, точно миніатюрная игрушка, вырисовывался въ прозрачномъ воздухѣ. Вѣтеръ крѣпнулъ.

— Не вернуться-ли? — спросилъ почтмейстеръ, уставшій управлять одновременно парусомъ и рулемъ.

— Трусите? — насмѣшливо спросилъ его спутникъ.

— Нисколько, а я думаю, что пора обѣдать, второй часъ.

Фейерабендъ вспомнилъ, что онъ обѣщалъ Эдвигъ идти съ нею къ старшему пастору послѣ обѣда.

— Въ такомъ случаѣ, — отвѣтилъ онъ Куку, — кладите руль къ берегу, у меня самого разыгрывается аппетитъ.

Попутный вѣтеръ быстро помчалъ яхточку къ берегу, сердитая волна бѣжала вдоль борта, пытаясь заглянуть во внутренность судна. Вѣтеръ назойливо разговаривалъ со снастями, свисталъ и злился. Художникъ взялся за паруса.

Скоро суденышко почтмейстера вошло въ бухту и причалило къ бочкѣ, откуда обоихъ катавшихся сняла рыбачья лодка.

— Пойдемте ко мнѣ обѣдать,—предложилъ почтмейстеръ,— обѣдъ не роскошный, но сыты будете, моя прислуга умѣетъ недурно стряпать.

Художникъ охотно согласился.

Маленькій домикъ почтмейстера представлялъ сабою уютный уголокъ. Кромѣ влеченія къ морю, Кукъ питалъ еще страсть разводить у себя всевозможныхъ домашнихъ птицъ. На большомъ дворѣ его важно расхаживали индѣйки, переваливались съ боку на бокъ степенныя утки, гоготали, вытянувши длинныя шеи, гуси. Множество куръ толпилось около кормушекъ, нарочно для нихъ устроенныхъ.

— Каждый у меня знаетъ, гдѣ ему поставленъ кормъ, — замѣтилъ хозяинъ. — Да иначе и нельзя: они ѣдятъ разное. Вотъ посмотрите, куры клюютъ одно зерно, а цыплята, отгороженные особо, получаютъ другое. Они у меня — горькіе пьяницы и не состоятъ членами общества трезвости. — Кукъ залился смѣхомъ.—Ихъ кормъ я обильно поливаю коньякомъ. Замѣтивъ изумленіе гостя, Кукъ объяснилъ: — цыплята мои всѣ искусственно выведены посредствомъ инкубатора; съ помощью коньяка они скорѣе крѣпнутъ и полнѣютъ, вы сами убѣдитесь за обѣдомъ.

Сопровождаемые криками птицъ, всѣмъ этимъ гамомъ, царившимъ на дворѣ, они вошли въ домъ.

Почтмейстеръ недаромъ похвастался своей кухаркой: обѣдъ, дѣйствительно, былъ приготовленъ недурно.

— Ну, что вы скажете о цыпленкѣ?—спросилъ хозяинъ, когда двое изъ его питомцевъ появились на столѣ въ жареномъ видѣ.

Проголодавшійся художникъ, вмѣсто отвѣта, съ аппетитомъ уничтожилъ одного изъ нихъ, пропахнувшаго насквозь алкоголемъ.

Кукъ, по примѣру своихъ крылатыхъ питомцевъ, не состоялъ въ обществѣ трезвости. Старый морякъ не могъ отказаться отъ прежнихъ привычекъ и, вмѣсто пива, охотно пилъ грогъ и пуншъ. Не отставала отъ него и Рауха, его прислуга. Оба они были крупными клiентами Матти Янса.

Покончивъ съ ѣдою и закуривъ трубки, раскраснѣвшійся отъ выпитаго алкоголя Кукъ и его гость мирно бесѣдовали. Кукъ передавалъ послѣднія городскія росказни; самъ онъ не былъ близокъ со многими изъ горожанъ и держалъ себя подальше отъ политическихъ партій. Видавшему уже многое на свѣтѣ почтмейстеру не хотѣлось рисковать своей спокойной службою ради несбыточныхъ увлеченій шведомановъ. Вслѣдствіе этого онъ искоса поглядывалъ на увлекающуюся молодежь, стараясь быть въ сторонѣ.

— Такъ вы правду говорите, что не увлекаетесь фрэкенъ Янса?—спросилъ онъ гостя, когда тотъ старался объяснить старику свои отношенія къ владѣлицѣ книжнаго магазина.— Вы—пріѣзжій, а она—здѣшняя, къ чему отрывать дѣвушку отъ мѣста ея родины?.. Вы знаете Окатова? онъ здѣсь живетъ третье лѣто.

— Немного знакомъ...

— Такъ вотъ онъ, какъ я слышалъ случайно, влюбился въ одну нашу здѣшнюю; романъ завелъ съ нею...

— Кто такая?—спросилъ художникъ, хотя отлично догадывался, кто именно была эта женщина.

Кукъ хитро прищурилъ глаза.

— Имени ея я не знаю, да и къ чему: романъ ихъ такъ ничѣмъ и не окончился, успокоились.

«Едва-ли,—подумалъ гость, вспоминая нервную, загадочную натуру Эллины,—такія, какъ она, не успокаиваются».

— А Окатовъ все-же сюда опять пріѣхалъ?—замѣтилъ Фейерабендъ.

— Привыкъ проводить здѣсь лѣто; человѣкъ одинокій, холостой, съ хорошими средствами, тянетъ его сюда...

Художникъ не могъ сообразить, знаетъ-ли старый почтмейстеръ настоящую причину появленія здѣсь Валерьяна Аркадьевича...

Въ открытое окно ворвался бой часовъ съ сосѣдней ратуши.

— Три пробило,—отсчиталъ художникъ,—мнѣ пора.

Кукъ не сталъ разспрашивать, куда онъ идетъ, и, проводивъ гостя, завалился на диванъ и быстро захрапѣлъ.

XIII.

Эдвигъ ожидала художника тамъ-же, гдѣ и утромъ, у кузницы.

— Вы аккуратны, три часа только пробило,—замѣтила она.—Идемте.

Фейерабендъ старался держать себя съ дѣвушкой холодно, но прирожденныя ему вѣжливость и мягкость въ обращеніи съ женщинами заставляли его невольно забывать о принятомъ имъ рѣшеніи.

Молодые люди поднялись на лѣсистый пригорокъ, откуда вилась дорожка къ пасторату. Вмѣстѣ съ ними шло туда-же много народа. Чисто одѣтые, ради праздника, финны тихо разговаривали съ женами, слышалось часто повторяемое имя пастора Хельстрема.

— Развѣ младшій пасторъ будетъ тоже сегодня проповѣдывать?—спросилъ художникъ свою спутницу.

Эдвигъ замялась.

— Кажется, онъ скажетъ нѣсколько словъ по окончаніи проповѣди пастора Хорста,—смущенно отвѣтила она.

Скоро показался частоколъ пастората. На большой лужайкѣ предъ самымъ домомъ пастора стояло нѣсколько рядовъ длинныхъ скамеекъ и стульевъ; на нѣкоторыхъ уже чинно сидѣли женщины, мужчины предпочитали стоять и разговаривать. Немного дальше, почти у самаго крыльца пасторскаго дома, былъ поставленъ столъ и около него мягкое кресло для стараго Хорста. Оно было еще пусто, пасторъ въ ожиданіи, когда соберется побольше слушателей, оставался въ домѣ.

Эдвигъ помѣстилась, по желанію художника, на самой задней скамейкѣ, въ уголку, откуда для Фейерабенда было удобно наблюдать за оригинальною картиной.

Народъ все прибывалъ. Скоро всѣ скамьи и стулья были заняты, приходившіе позже или оставались стоять, или-же размѣщались тутъ-же на травѣ.

Высоко стоявшее еще солнце ярко освѣщало всю лужайку.

— Какъ это красиво! — указалъ художникъ Эдвигъ на расположившіяся группы слушателей.

Своеобразные костюмы женщинъ, ихъ разноцвѣтные юбки и платки на головѣ придавали картинѣ оригинальную пестроту.

Между крестьянами было не мало и городской интеллигенціи, сидѣвшей въ первыхъ рядахъ. Фейерабендъ замѣтилъ Эллину Хольмъ, молоденькую учительницу Хильду, нѣсколько дѣвушекъ, служащихъ на почтѣ и въ таможнѣ, между ними была и хорошенькая Лайна. Самъ Хольмъ о чемъ-то оживленно разговаривалъ въ небольшой кучкѣ мужчинъ.

(Окончаніе будетъ).

ВЕСЕННІЙ ЗАХВАТЪ.

Романъ Г. Т. Сѣверцева (Полилова).

(Продолженіе.)

XXIII.

НИКОГДА не ѣздившій до сихъ поръ верхомъ Гостомыжскій пристрастился къ этому спорту. Ухина купила для внука чудную лошадь, и, взявъ нѣсколько уроковъ въ манежѣ, князь ежедневно сталъ совершать далекія прогулки верхомъ. Послѣ той памятной ночи, когда Арсеній открылъ бабушкѣ свое молодое горе, ни онъ, ни она не возобновляли этого разговора, точно взаимно условившись не касаться этого. Хорошо понимая подкладку заграничнаго увлеченія внука уличною пѣвицею и предполагая, что главный мотивъ въ этомъ случаѣ составляли только деньги, старуха предоставила самому времени затянуть рану Арсенія.

Завязавшееся знакомство съ Ѳедоровыми продолжалось. Сама Ухина не имѣла времени часто ѣздить къ нимъ, но внукъ очень часто бывалъ въ Лѣсномъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ сталъ ѣздить верхомъ.

Онъ много разговаривалъ съ Дуней; предметъ для ихъ разговора всегда легко находился, иногда они спорили, но чаще всего мирно бесѣдовали, дѣлясь своими впечатлѣніями.

— А музыку вы любите?—какъ-то спросилъ Арсеній свою собесѣдницу.

— Очень,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Сами играете?

Вмѣсто отвѣта, дѣвушка сѣла за піанино и шумно сыграла мазурку Шопена.

— Вы—совсѣмъ виртуозка!—замѣтилъ Арсеній.

— Далеко до этого, но я много играю. Послушайте вотъ это!—и она заиграла „Ave Maria“ Гуно, молитву, столь памятную Гостомыжскому.

Князь невольно вздрогнулъ и снова унесся въ мысляхъ къ далекой Кончеттѣ. Не зажившая еще сердечная рана открылась. Онъ ощущалъ, какъ успокоившееся было чувство къ бросившей его дѣвушкѣ разгорается все сильнѣе, все больше.

А звуки продолжали литься, извлекаемые пальцами Евдокіи Семеновны, не только не успокаивая князя, но волнуя его все больше. Онъ готовъ былъ молить ее остановиться, перестать, но не имѣлъ силы, не имѣлъ воли.

— Вамъ нравится эта трогательная молитва, Арсеній Николаевичъ?—прервала музыку дѣвушка.

Князь, подавленный воспоминаніями, молчалъ.

Дѣвушка изумленно взглянула на него. Выросшая въ скромной семьѣ небогатаго чиновника, Евдокія Семеновна немного стѣснялась новаго знакомаго, княжескій титулъ котораго пугалъ ее. Непонятное молчаніе гостя показалось ей страннымъ, но, тѣмъ не менѣе, она повторила вопросъ.

— Я очень люблю эту мелодію,—неохотно проговорилъ Гостомыжскій,—но она наводитъ на меня невольно грустныя мысли.

— Въ такомъ случаѣ, простите меня, что я совсѣмъ нечаянно, не зная этого, пробудила ихъ моею музыкой,—сконфуженно замѣтила дѣвушка и, закрывъ инструментъ, сѣла въ кресло недалеко отъ князя.

Арсеній понялъ нетактичность своего замѣчанія и въ смущеніи не зналъ, какъ прервать молчаніе; одну минуту онъ готовъ былъ извиниться предъ молодой хозяйкой, но послѣдняя сама начала разговоръ.

— Что это значитъ, Арсеній Николаевичъ, что ваша бабушка у насъ давно не была?—спросила Дуня.

Обрадованный Гостомыжскій съ благодарностью взглянулъ на говорившую и живо отвѣтилъ:

— У бабушки много заботъ, дѣла, это я, лѣнтяй, мало ей помогаю.

— Не хорошо, совсѣмъ не хорошо!—шутливо сказала Дуня.

Неожиданный диссонансъ между ними разразился заключительнымъ аккордомъ.

Несмотря на полную разницу во всемъ, начиная съ характера и кончая внѣшностью, между Кончеттой и Дуней, Арсеній находилъ особенную прелесть, какое-то для себя успокоеніе въ бесѣдѣ съ дочерью Ѳедорова.

Трагическій конецъ его первой любви, случайно вспыхнувшей и такъ недолго продолжавшейся, заставилъ Арсенія снова забиться въ свою раковину, уйти отъ женскаго общества и совсѣмъ имъ не интересоваться. Здѣсь-же, бесѣдуя съ Дуней, онъ въ лицѣ ея не замѣчалъ женщины; это въ его глазахъ было существо, съ которымъ онъ могъ, какъ съ товарищемъ, говорить о многомъ его интересующемъ, не касаясь нѣкоторыхъ вопросовъ.

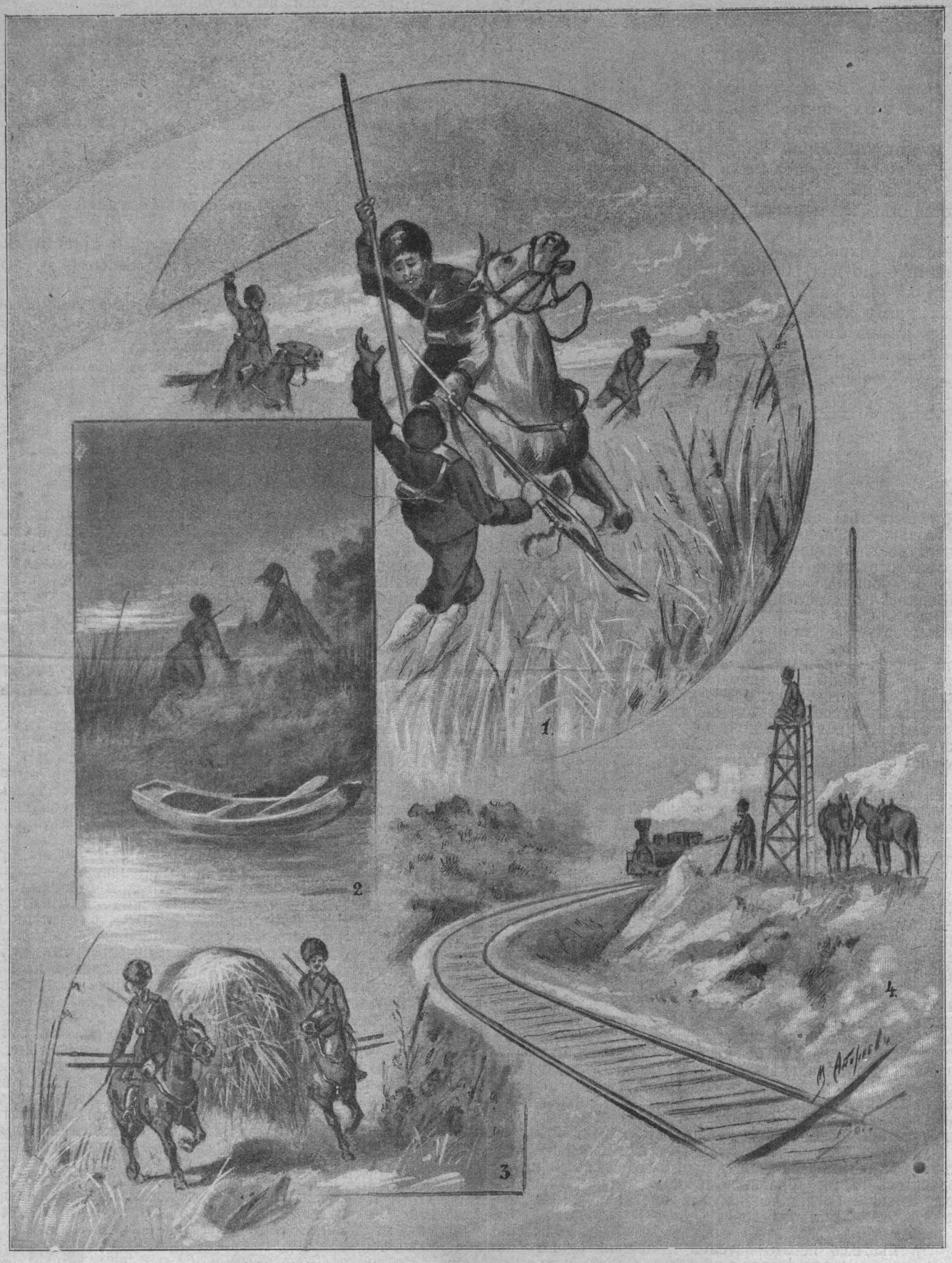
Подобное знакомство было пріятно Арсенію. Мужское общество представлялось для него чуждымъ; воспитанный бабушкой, окруженный женскимъ вліяніемъ, Гостомыжскій уже по складу своего характера болѣе подходилъ къ женскому обществу; среди мужчинъ онъ терялся, чувствовалъ себя какимъ-то стѣсненнымъ. Старая купчиха прекрасно понимала это и отчасти была рада за внука, тѣмъ болѣе, что мужского общества у нея почти не бывало.

Возвращаясь сегодня домой, Арсеній былъ какъ-то двойственно настроенъ. „Ave Maria“ пробудила въ немъ всѣ мечты и обаяніе прежней любви; онъ жадно припоминалъ всѣ подробности своего знакомства съ Кончеттой, всѣ перипетіи этой короткой странички бурной страсти, которую онъ только что пережилъ. Но, странно, образъ коварной итальянки сознательно тускнѣлъ предъ его глазами; поговорка „дальше отъ глазъ, дальше отъ сердца“ оказывалась справедливой. Порою, какъ, напримѣръ, сегодня, во время исполненія мелодіи, этотъ образъ снова властно захватывалъ его всего, но разбуженные образы не надолго оставались въ сердцѣ Арсенія. Съ послѣднимъ аккордомъ все снова окутывалось дымкой забвенія. Скромная фигура Дуни невольно затемняла Кончетту.

Анфиса Матвѣевна отлично понимала, что она одна не могла замѣнить внуку то женское общество, къ которому онъ привыкъ въ послѣднее время и которое помогло-бы забыться, залечить полученную имъ рану, и вотъ поэтому она выбрала дочь своего стараго знакомаго на роль этого нравственнаго врача и какъ-будто случайно познакомила Арсенія съ этой семьей.

Точно такъ-же она не препятствовала внуку часто посѣщать Ѳедоровыхъ. Зная Дуню еще дѣвочкой, она не боялась дружбы между молодыми людьми, но о новомъ увлеченіи Арсенія бабушка и не думала. Знакомя его съ Ѳедоровыми, она расчитывала, что общеніе съ молодою дѣвушкой понемногу заставитъ его забыть итальянку и все то горе, которое она ему принесла.

Предположеніе умной старухи оправдалось больше, чѣмъ она расчитывала. Арсеній не только забывалъ Кончетту, находясь въ обществѣ Дуни, но самъ даже сталъ увлекаться послѣднею, и только невинная мелодія Гуно снова напомнила ему Кончетту и временно вырвала его изъ этого состоянія забвенія.



КАЗАКИ НА ВОЙНѢ.

1. Схватка разъѣзда съ японцами. 2. Ночная развѣдка. 3. Съ фуражемъ. 4. На линіи желѣзной дороги.
Оригинальный рисунокъ **М. Андреева.**

Плохо проведенная ночь сказалась на лицѣ князя.

Анфиса Матвѣевна сразу замѣтила перемѣну, происшедшую съ внукомъ.

— Что это съ тобою, голубчикъ? — заботливо спросила она князя, когда онъ утромъ вышелъ въ столовую.

— Ничего, бабушка.

— Что я маленькая, что-ли, не вижу своими глазами? или что-нибудь отъ той получилъ?—недовольнымъ тономъ замѣтила бабушка.

Она никогда не называла Кончетты иначе, какъ „та“; этимъ именемъ старуха выражала презрѣніе къ женщинѣ, временно похитившей у нея любовь внука.

Арсеній покраснѣлъ, напоминаніе бабушки объ итальянкѣ было для него непріятно.

Старуха еще разъ пытливо взглянула на внука и, передавая ему кофе, перемѣнила разговоръ, обратившись къ князю съ вопросомъ:

— Рано-ли ты вчера вернулся домой?

— Не поздно, — послѣдовалъ короткій отвѣтъ Арсенія.

— А гдѣ былъ?

На лицѣ князя отразилось недоумѣніе; онъ допилъ свою чашку и нехотя сказалъ:

— Гдѣ-же мнѣ иначе бывать, какъ не у Ѳедоровыхъ?

Анфиса Матвѣевна снова пытливо взглянула на внука. Она не могла понять, почему-же видъ внука былъ такой угнетенный, печальный, разъ онъ провелъ весь вечеръ у Ѳедоровыхъ, откуда онъ возвращался всегда въ хорошемъ расположеніи духа, веселый.

— Ты, вѣроятно, вчера поссорился съ Дунюшкой?

Гостомыжскій улыбнулся.

— Это было-бы очень странно, я ничего не имѣю противъ Евдокіи Семеновны...

Старуха ломала голову, отыскивая причину перемѣны со внукомъ, и какъ-то рѣшительно проговорила:

— Сегодня я сама поѣду къ нимъ съ тобою и все узнаю.

Арсеній съ нескрываемымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на бабушку, пожалъ плечами и молча ушелъ въ свою комнату.

(Продолженіе будетъ).

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Возвратившіеся герои. (Къ рис. на стр. 865.) Петербургъ издавна называютъ чопорнымъ и бездушнымъ. На самомъ дѣлѣ, какой-то выдержанною холодностью вѣетъ отъ прямыхъ, какъ стрѣла, петербургскихъ улицъ, какъ-то особенно строго и оффиціально смотрятъ высокія громады-дома и шикарные магазины; строгими и холодными, безучастными ко всему окружающему кажутся и многочисленные прохожіе. Да и нельзя казаться другими петербуржцамъ. Каждый изъ нихъ, идя по улицѣ, спѣшитъ по какому-нибудь дѣлу; къ толпѣ каждый привыкъ, привыкъ къ шуму улицъ, и потому и думается, что на улицѣ ничто не можетъ заинтересовать петербуржца, потому петербуржецъ и кажется такимъ холоднымъ и безучастнымъ ко всему. Однако, на самомъ-ли дѣлѣ это такъ? Сценка, изображенная на нашемъ рисункѣ, опровергаетъ это. И въ этотъ день такъ-же, какъ и всегда, спѣшили петербуржцы каждый по своимъ дѣламъ и, какъ и всегда, казались холодными и безучастными къ окружающему. Но вотъ какъ-то неожиданно появились на троттуарѣ эти «возвратившіеся герои» и безучастная за мигъ предъ этимъ толпа встрепенулась. Что-то щемящее, горькое вдругъ сдавило грудь у каждаго изъ толпы и защекотало въ горлѣ. Вотъ они, ужасы войны, здѣсь на глазахъ у всѣхъ, среди главной улицы столицы. Каждый изъ толпы сразу почувствовалъ себя какъ-бы виноватымъ предъ этими героями, молодыми, здоровыми, но сдѣлавшимися калѣками, исполняя долгъ службы отечеству, и у каждаго сразу-же явилось невольное желаніе чѣмъ-нибудь сейчасъ-же помочь несчастнымъ. Чѣмъ, однако, можно помочь героямъ, кромѣ выраженія состраданія и благодарности? Вѣдь, они не примутъ другой помощи.

Протопопъ Аввакумъ. (Къ рис. на стр. 879.) Протопопъ Юрьевца Поволжскаго Аввакумъ происходилъ изъ бѣдной семьи, былъ довольно начитанъ, угрюмъ и строгъ. Строгій къ самому себѣ, Аввакумъ безпощадно преслѣдовалъ всякое беззаконіе и отступленіе отъ церковныхъ правилъ, вслѣдствіе чего около 1615 г. долженъ былъ бѣжать отъ возмутившейся паствы въ Москву. Здѣсь Аввакумъ сперва былъ справщикомъ церковныхъ книгъ при патріархѣ Іоасафѣ, а когда патріархъ Никонъ замѣнилъ старыхъ справщиковъ новыми, дѣйствительно, учеными людьми, Аввакумъ сталъ явнымъ непримиримымъ, убѣжденнымъ противникомъ церковныхъ новшествъ, проведенныхъ этими справщиками подъ руководствомъ патріарха Никона. Сосланный за свое противленіе никоновскимъ реформамъ въ Пустоозерскій острогъ на Мезени, Аввакумъ и тамъ продолжалъ проповѣдывать свои убѣжденія, пріобрѣлъ многихъ послѣдователей и явился однимъ изъ главныхъ основателей старообрядчества. Послѣ паденія Никона Аввакумъ былъ возвращенъ въ Москву, но затѣмъ, когда соборъ русскихъ іерарховъ въ 1866 году (см. статью о старообрядцахъ въ этомъ номерѣ журнала) призналъ исправленіе церковныхъ книгъ, довершенное Никономъ, правильнымъ, оставшагося при своихъ убѣжденіяхъ Аввакума вмѣстѣ съ попомъ Никитой разстригли, били кнутомъ и отправили вновь въ ссылку на сѣверъ, гдѣ онъ пробылъ въ тюрьмѣ въ теченіе четырнадцати лѣтъ; но онъ и отсюда продолжалъ проповѣдь, путемъ распространенія своихъ сочиненій, которыхъ имъ было написано до сорока. Въ 1681 году Аввакумъ послалъ царю Ѳеодору Алексѣевичу дерзкое письмо, въ которомъ называлъ царя антихристомъ. За это письмо Аввакумъ былъ въ томъ-же году сожженъ въ ссылкѣ. На нашемъ рисункѣ изображено путешествіе Аввакума въ его вторичную ссылку. Проповѣдника всюду встрѣчаютъ и провожаютъ его приверженцы старообрядцы-поморцы.

Татарскія царицы предъ Іоанномъ Грознымъ. (Къ рис. на стр. 881.) Рисунокъ передаетъ славную страницу изъ исторіи царствованія Грознаго царя Іоанна—представленіе государю плѣнныхъ астраханскихъ царицъ, привезенныхъ въ село Коломенское послѣ покоренія Астраханскаго царства въ 1554 году. Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ первый русскій историкъ. «Издревле, еще до начала державы Россійской, при устьѣ Волги существовалъ городъ козарскій, знаменитый торговлею, Атель, или Балангіаръ; въ XIII вѣкѣ онъ принадлежалъ аланамъ, именуемый Сумеркентомъ, а въ нашихъ лѣтописяхъ сдѣлался извѣстенъ подъ именемъ Асторокани, будучи владѣніемъ Золотой Орды, и со времени ея паденія—столицею особенныхъ хановъ, единоплеменныхъ съ ногайскими князьями. Тѣснимые черкесами, крымцами, сіи ханы, слабые, невоинственные, искали всегда нашего союза, и послѣдній изъ нихъ, Ямгурчей, хотѣлъ даже, какъ мы видѣли, быть данникомъ іоанновымъ, но, обольщенный покровительствомъ султана, обманулъ государя: присталъ къ Девлеть-Гирею и къ Юсуфу, ногайскому князю, отцу Сююнбека, который возненавидѣлъ Россію за плѣнъ его дочери и внука, сверженнаго нами съ престола казанскаго. Посла московскаго обезчестили въ Астрахани и держали въ неволѣ: государь воспользовался симъ случаемъ, чтобы, по мнѣнію тогдашнихъ книжниковъ, возвратить Россіи ея древнее достояніе, гдѣ будто-бы княжилъ нѣкогда сынъ св. Владиміра, Мстиславъ, ибо они считали Астрахань древнимъ Тмутороканемъ, основываясь на сходствѣ имени. Мурзы ногайскіе, Исмаилъ и другіе, непріятели юсуфовы, утверждали Іоанна въ семъ намѣреніи: молили его, чтобы онъ далъ Астрахань изгнаннику Дербышу, ихъ родственнику, бывшему тамъ царемъ прежде Ямгурчея, и хотѣли помогать намъ всѣми силами. Государь, призвавъ Дербыша изъ ногайскихъ улусовъ, весною въ 1554 году послалъ съ нимъ на судахъ войско, немногочисленное, но отборное: оно состояло изъ царскихъ дворянъ, жильцовъ, лучшихъ дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, казаковъ, вятчанъ. Предводителями были князь Юрій Ивановичъ Пронскій-Шемякинъ и постельничій Игнатій Вешняковъ, мужъ отлично храбрый. 29-го іюня, достигнувъ Переволоки, Шемякинъ отрядилъ впередъ князя Александра Вяземскаго, который близъ Чернаго острова встрѣтилъ и побилъ нѣсколько сотъ астраханцевъ, высланныхъ развѣдать о нашей силѣ. Узнали отъ плѣнниковъ, что Ямгурчей стоитъ пять верстъ ниже города, а татары засѣли на островахъ, въ своихъ улусахъ.

Россія не плыли мимо столицы батыевой, Сарая, гдѣ 200 лѣтъ государи наши унижались предъ ханами Золотой Орды; но тамъ были уже однѣ развалины! Видѣть во время славы памятники минувшаго стыда легче, нежели во время уничиженія видѣть памятники минувшей славы!.. Въ сей нѣкогда ужасной странѣ, полной мечей и копій, обитала тогда безоружная, мирная робость: все бѣжало—и граждане, и царь. Шемякинъ 2-го іюня вступилъ въ безлюдную Астрахань, а князь Вяземскій нашелъ въ ямгурчеевомъ станѣ не мало кинутыхъ пушекъ и пищалей. Гнались за бѣгущими во всѣ стороны, до Бѣлаго озера и Тюмени: однихъ убивали, другихъ вели въ городъ, чтобы дать подданныхъ Дербышу, объявленному царемъ въ пустынной столицѣ. Ямгурчей съ двадцатью воинами ускакалъ въ Азовъ. Настигли только женъ и дочерей его; также многихъ знатныхъ чиновниковъ, которые всѣ хотѣли служить Дербышу и зависѣть отъ Россіи, требуя единственно жизни и свободы личной. Ихъ представили новому царю: онъ велѣлъ имъ жить въ городѣ, распустивъ народъ по улусамъ. Князей и мурзъ собралося пятьсотъ, а простыхъ людей—десять тысячъ. Они вмѣстѣ съ Дербышемъ клялися въ томъ, чтобы повиноваться Іоанну, какъ верховному своему властителю, присылать ему сорокъ тысячъ алтынъ и три тысячи рыбъ, какъ ежегодную дань, а въ случаѣ дербышевой смерти нигдѣ не искать себѣ царя, но ждать, кого Іоаннъ или наслѣдники его пожалуютъ имъ въ правители. Въ клятвенной грамотѣ, скрѣпленной печатями, сказано было, что россіяне могутъ свободно ловить рыбу отъ Казани до моря, вмѣстѣ съ астраханцами, безданно и безъявочно. Учредивъ порядокъ въ землѣ, оставивъ у Дербыша казаковъ (съ дворяниномъ Тургеневымъ) для его безопасности и для присмотра за нимъ, князь Шемякинъ и Вешняковъ возвратились въ Москву съ пятью взятыми въ плѣнъ царицами и съ великимъ числомъ освобожденныхъ россіянъ, бывшихъ невольниками въ астраханскихъ улусахъ. Вѣсть о семъ счастливомъ успѣхѣ государь получилъ 29-го августа, въ день своего рожденія, празднуя его въ селѣ Коломенскомъ съ митрополитомъ и со всѣмъ дворомъ: изъявилъ живѣйшую радость; уставилъ церковное молебствіе; милостиво наградилъ воеводъ; встрѣтилъ плѣнныхъ царицъ съ великою честію и, въ удовольствіе Дербышу, отпустилъ назадъ въ Астрахань, кромѣ младшей изъ нихъ, которая на пути родила сына и вмѣстѣ съ нимъ крестилась въ Москвѣ: сына назвали царевичемъ Петромъ, а мать Іуліаніею, и государь женилъ на ней своего именитаго дворянина, Захарію Плещеева».

Казаки на войнѣ. (Къ рис. на стр. 889.) Трудная задача выпала на долю нашей арміи въ текущую войну. Отлично подготовленнымъ, храбрымъ, подвижнымъ и хитрымъ оказался противникъ. Осторожно, а главное, умѣло нужно вести борьбу съ нимъ. Много неудачъ пришлось испытать нашимъ войскамъ, но среди этихъ неудачъ было не мало и отважныхъ подвиговъ, не мало было проявлено войсками въ отдѣльныхъ случаяхъ и умѣнья въ несеніи всевозможныхъ обязанностей боевой службы. Какъ и прежде, казакамъ въ текущей войнѣ пришлось заявить себя на всѣхъ поприщахъ боевого дѣла. На нашихъ четырехъ рисункахъ наглядно показана разнообразная дѣятельность казаковъ. Этимъ, конечно, далеко еще не исчерпывается все то, что имъ приходится дѣлать на войнѣ. Какъ вѣтеръ, несется небольшой казачій разъѣздъ по манчжурской равнинѣ. Знаютъ всадники, что гдѣ-нибудь въ ложбинкѣ, за камнемъ или за горкой скрывается противникъ, но что за дѣло: смерти бояться на войнѣ не приходится, да и трудно будетъ стрѣлять японцамъ въ мелькающихъ, какъ носимыя вихремъ пушинки, казаковъ на ихъ быстрыхъ коняхъ. Знаютъ это казаки и даже радуются, если вдругъ грянетъ откуда-нибудь выстрѣлъ. Стрѣлой пустятся тогда они впередъ прямо на заявившаго о себѣ противника и не успѣетъ раздаться второй выстрѣлъ, какъ произойдетъ то, что изображено на нашемъ первомъ рисункѣ. Не только на коняхъ приходится нести службу казакамъ. Вотъ они и на утлой лодочкѣ, тихо скрываясь въ прибрежной осокѣ, темною ночью добрались по рѣкѣ чуть-ли не до самой стоянки японцевъ. Ползкомъ выбрались смѣльчаки на берегъ, взобрались на горку и теперь спокойно изучаютъ, какъ изображено на второмъ рисункѣ открывшееся предъ ними мѣсторасположеніе непріятельскаго лагеря. Только казаки умѣютъ безъ всякихъ телѣгъ и повозокъ вдвоемъ, сидя верхомъ на лошадкахъ, привезти цѣлый возъ фуража. Этотъ способъ изображенъ на третьемъ рисункѣ. Если-бы вблизи казаковъ внезапно появился врагъ, имъ ничего не стоило-бы въ одинъ моментъ освободиться отъ ноши и напасть на дерзкаго или скрыться, еслибы тотъ оказался значительно сильнѣйшимъ количественно. Сторожевая служба казаковъ на линіи желѣзной дороги, уже неоднократно описывалась на страницахъ журнала «Родина». Наглядно эта служба изображена теперь на четвертомъ рисункѣ художника М. Андреева.

Редакторъ-издатель А. А. Каспари. Редакторъ Ник. А. Каспари.

СОДЕРЖАНІЕ № 28-го иллюстрированнаго журнала „РОДИНА“: **Съ поля битвы.** Стих. Ив. Епифанова.—**Любъ-трава.** Истор.-быт. ром. графа Е. А. Саліаса. (Прод.)—**Старообрядцы въ Петербургѣ.** Очеркъ Н. Васильева.—**На окраинѣ.** Очеркъ Е. Лазоревaго. (Прод.)—**Весенній захватъ.** Романъ Г. Т. Сѣверцева (Полилова). (Прод.)—**Описаніе рисунковъ.**—**РИСУНКИ:** Возвратившіеся герои. Рис. П. Тиріа.—Единовѣрцы и старообрядцы въ Петербургѣ. (6 рис.) В. Зауерлендера.—Протопопъ Аввакумъ. Съ карт. С. Милорадовича.—Татарскія царицы предъ Іоанномъ Грознымъ. Ориг. рис. Б. Кремлева.—Казаки на войнѣ. (3 рис.) Ориг. рис. М. Андреева.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы отдыха. Съѣздилъ въ городъ. Дачная трагедія Маркъ-Мана.—На узкоколейной желѣзной дорогѣ. (1 рис.)—Объяснила. (1 рис.)—Предъ свадьбой. (1 рис.)—Туристы. (5 рис.)—Мозаика.—Ребусъ № 6.—Перестановка буквъ № 31.—Географическая задача № 20.—Логогрифъ № 43.—Створчатая задача № 23.—Загадка № 21.—Энстихозъ № 2.—Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ „Развлеченіе въ часы отдыха“ къ журналу № 26.

ВСЕМІРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Крейсеръ „Свѣтлана“ и его офицеры. (Съ группой).—Ген. П. И. Мищенко и отступленіе японцевъ. (Съ 2 рис.)—Японцы въ военномъ госпиталѣ въ Москвѣ. (Съ 2 рис.)—Ген.-маіоръ Максудъ Алихановъ. (Съ портр.)—Къ событіямъ въ Одессѣ. (Съ 5 рис.)—Броненосецъ „Князь Потемкинъ-Таврическій“. (Съ 1 рис.)—Всемірная хроника.

ЭТОТЪ НОМЕРЪ СОСТОИТЪ:

изъ 32 столбцовъ журнала, 12 столбцовъ „Развлеченіе въ часы отдыха“, 12 столбцовъ „Всемірное Обозрѣніе“ и 24 столбцовъ газеты.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I) Другъ Дѣтей, № 7. II) „Собраніе“ романовъ „Родины“ 1905 г., № 14. Романы русскихъ писателей, кн. 7-я, содержащая въ себѣ:

Предсказаніе ворожеи.

Романъ С. П. Кисемскаго. (Окончаніе. Стр. 49—128.)

НА НИВѢ НАРОДНОЙ.

Повѣсть М. С. Серафимова. (Стр. 1—80.)

Остерегайтесь поддѣлокъ!

Всемірно-популярная настоящ. патент. американская машинка для стрижки волосъ и бороды, съ приспособленіями для стрижки 3-хъ размѣровъ, необходима въ каждомъ домѣ не только для экономіи, но и для гигіены. Цѣна доступна каждому—всего **4 р. 50 к. съ пересылкой.**

Важно для бреющихся!

Пріобрѣтайте по весьма дешевой цѣнѣ новоизобрѣтенную высококачественную **„безопасную“ бритву**, которой каждый можетъ брить самого себя смѣло и очень легко, **безъ всякой для себя опасности**, и гарантировать себя отъ столь частыхъ зараженій въ парикмахерскихъ, сокративъ при этомъ значительно свои расходы. Высылаемъ **немедленно** по полученіи заказа **только за 3 руб. съ пересылкою.**

Адресовать: г. Варшава, „Варшавскій Базаръ“, „Т-ву Любовь“, во 2-ую контору.—3. 348

Дополненіе обыденной суточной пищи малыми количествами

ГЕМАТОГЕНА Д-РА ГОММЕЛЯ

вызываетъ у дѣтей всѣхъ возрастовъ и у взрослыхъ **быстрое улучшеніе аппетита; быстрое поднятіе силъ; укрѣпленіе нервной системы.**

◆ Имѣется во всѣхъ аптекахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. ◆

Главное депо для Россіи: Б. Охтенская Аптека, Отд. „Гематогенъ“ СПБ.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ! Требуйте настоятельно гематогенъ „Д-ра ГОММЕЛЯ“. Тысячи врачей всѣхъ странъ дали блестящіе отзывы.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора Редакціи журнала „Родина“ проситъ гг. московскихъ и провинціальныхъ подписчиковъ **при перемѣнѣ адреса прилагать старый адресъ**, по которому получался журналъ, и **28 коп.** почтовыми марками въ заказномъ письмѣ, а гг. с.-петербургскихъ подписчиковъ—тоже прилагать свой прежній адресъ и **25 коп.**

НЕСТЛЕ

дѣтская молочная мука

Сгущенное • молоко НЕСТЛЕ:

Вниманію гг. подписчиковъ.

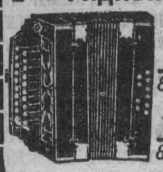
Цѣна отдѣльныхъ номеровъ журнала „РОДИНА“, кромѣ 1-го, безъ приложеній—15 коп. безъ перес. и 25 коп. съ пересылкой.

ГАРМОНІИ

ВѢНСКІЯ

СЪ МѢДНЫМИ ПЛАНКАМИ
УГЛЫ, МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛЛОМЪ

2 хъ РЯДНЫЯ, 21 клапанъ.



ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
II р. 13 р. 15 р.
8 бас. 10 б. 12 б.
СТАЛЬНЫЕ ГОЛОСА
16 р. 20 р. 24 р.
8 б. 10 б. 12 б.

и дороже.

Самоучитель 1 р.

ЛИВЕНСКІЯ

МѢДНЫЕ ГОЛОСА ЖЕЛѢЗНЫЯ ПЛАНКИ
$2^1/_2$ р., 3 р., 4 р., 5 р.
ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА,
мѣдныя планки.
$5^1/_2$, $6^1/_4$, $7^1/_4$, 8,9 р.
СТАЛЬНЫЕ ГОЛОСА
мѣдныя планки
$10^1/_2$, $11^1/_4$, $12^1/_2$, 14, 16 р.

Самоучитель 75 к.

РОЯЛЬНЫЯ

съ мѣдными планками
ОДНОРЯДНЫЯ
ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА

II р. 12 р. $13^1/_2$ 15 р.
СТАЛЬНЫЯ ГОЛОСА
17 р. 20 р. 23 р. 28 р.
ДВУХРЯДНЫЯ
ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
20 руб.
СТАЛЬНЫЕ ГОЛОСА 30 РУБ.

по полученіи задатка $^1/_3$ стоимости высылаю съ наложен. платежемъ.

И. А. НОВИКОВЪ,

МОСКВА, СРѢТЕНКА
СКЛАДЪ МУЗЫКАЛ. ИНСТРУМЕНТОВЪ
прейсъ-курантъ безплатно.

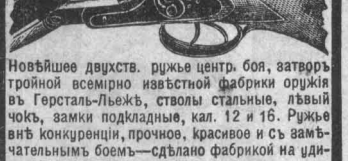
ГИГІЕНИЧНО, экономично и пріятно. Машинки для стрижки бороды въ 2 р. 50 к., 3 р., 4 р. 4 руб. 75 коп.

Каждый можетъ стричь самъ своихъ дѣтей! Болѣе 15.000.000 шт. въ употреб.

Машинки для стрижки волосъ въ 3 номера каждая, въ 3 р., 3 р. 75 к., 4 р. 25 к. и 5 р. 50 к. высылаетъ наложплатежомъ при полученіи 1 р. задатка оптово-розничный складъ **ЛЕОНАРДИ,** Пассажъ, 53, СПБ Фирма существуетъ съ 1867 года.

376

Ружье „ПРИМА“



Новѣйшее двухств. ружье центр. боя, затворъ тройной всемірно извѣстной фабрики оружія въ Герсталь-Льежѣ, стволы стальные, лѣвый чокъ, замки подкладные, кал. 12 и 16. Ружье внѣ конкуренціи, прочное, красивое и съ замѣчательнымъ боемъ—сдѣлано фабрикой на удивленіе охотниковъ, поражающихся его дешевизной и высокими качествами. Цѣна 34 руб.

ВИНТОВКА СИСТ. ВИНЧЕСТЕРА,

кал. 22, замѣчательное оружіе для охоты на крупн. птицу и мелкаго звѣря. Бой феноменальный: на 100 шаговъ пули ложатся въ 1 вершковый кругъ. Цѣна всего 12 руб. Патроны съ бездымн. порохомъ 3 р. за 100 шт.; то же, комнатные, за 250 шт. 1 р. 75 к.

Заказы исполн. наложенн. платежомъ оружейный магазинъ **А. В. ТАРНОПОЛЬСКАГО,**
МОСКВА. Б. ЛУБЯНКА, № 3.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
на Всемірной Выставкѣ въ Парижѣ 1900 г.

ПАВЕЛЪ БУРЕ.

поставщикъ Двора Его Величества, С.-Петербургъ, Невск. пр., д. № 23.
Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
● БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики ●
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безпл.

СЕКРЕТЪ КРАСОТЫ А. СІУ и К°

ГЛИЦЕРО-ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО *Молодости*
МОСКВА. *20 коп. кус.*

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО „РОССІЯ“

въ С.-Петербургѣ, учр. въ 1881 г.

Наличные капиталы свыше 56.000.000 р.

Общество заключаетъ страхованія

ЖИЗНИ:

капиталовъ и доходовъ для обезпеченія будущности семьи и старости (застрахованные капиталы къ 1-му января 1905 г.: 170.330.000 руб.);

ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ:

коллективныя страхованія рабочихъ и служащихъ на фабрикахъ и заводахъ, страхованія отдѣльныхъ лицъ, страхованія пассажировъ

ОТЪ ОГНЯ

движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ всякаго рода;

ТРАНСПОРТОВЪ

морскихъ, рѣчныхъ и сухопутныхъ и корпусовъ судовъ;

СТЕКОЛЪ и ЗЕРКАЛЪ

всякаго рода и сорта отъ излома и разбитія.

Капиталы и вознагражденія,

уплаченныя Обществомъ со времени его учрежденія:

133.441.000 руб.

Заявленія о страхованіи принимаются и **всякаго рода свѣдѣнія** сообщаются въ Правленіи, въ **С.-Петербургѣ (Морская, собств. д., № 37),** въ **Отдѣленіяхъ** и **Агентствахъ** Общества въ городахъ Имперіи. **Страховые билеты по страхованію пассажировъ** отъ несчастныхъ случаевъ во время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ выдаются также **на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и на пароходныхъ пристаняхъ.** 370

GRANDPRIX Высшая награда на Международной Гигіенической Выставкѣ въ Парижѣ 1905 года 364

Пров. КИНУНЕНА. **ЭЛЕОПАТЪ.**

КОНЬЯКЪ ЗАВОДСКАЯ МАРКА **ШУСТОВА**

Parfumerie
AZUREA
L.T. PIVER—PARIS

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛКИ!

„УСАТИНЪ А. ГЕБГАРДТА“

даетъ всякимъ усамъ удивительно изящную форму и сохраняетъ глянецъ и мягкость. Даже самые маленькіе усы дѣлаются большими и даже густыми.

„Усатинъ“—вещество не клейкое и не жирное.

Фл.—1 р. Перес. до 2 флак.—50 к., въ Азіат. Рос.—90 к.

Складъ техно-химическихъ спеціальностей А. ГЕБГАРДТА.
С.-Петербургъ, Невскій пр., № 88—6 (во дворѣ). 375

!!ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ!!

Прелестные и прочные стѣнные часы **„Регуляторъ“** новѣйшаго фасона, съ отличною самоиграющею каждый часъ громкою и весьма пріятною для слуха музыкой самыхъ знаменитыхъ композиторовъ. (по желанію: вальсы, польки, марши, театральн. оперы и т. п.), въ элегантномъ корпусѣ, заграничной работы. Цѣна вмѣсто 30 руб. только 15 руб. Часы безъ музыки, съ трехнедѣльнымъ ходомъ и **башеннымъ боемъ,** бьющіе половины и цѣлые часы—цѣна 14 р. Корпусъ часовъ длиною около $1^1/_2$ арш. и шириною около $^1/_2$ арш. и полированъ въ темно-орѣховый цвѣтъ. Ручательство за непортящ. музыку и вѣрн. хода на 6 лѣтъ. Упаковка самая тщательн. и безплат. Высылаемъ вывѣрен. часы **до минуты,** немедл. по полученіи **5 р. задатка.** Задатокъ можно прислать марками по адресу: **Варшавскій Базаръ, Т-во „ЛЮБОВЬ“, Варшава, Гржибовская.**

P. S. При полученіи полной стоимости впередъ прилаг. безплат. для распространенія нашей фирмы стол. часы съ будильникомъ и со свѣтящимся циферблатомъ **„Молнія“.**

Лучшее косметическое средство,

дѣлающее лицо свѣжимъ и чистымъ.

Источникъ красоты.

Патент. въ Англіи.

Кремъ КАЗИМИ

Метаморфоза

противъ ВЕСНУШЕКЪ.

Доказательствомъ **подлинности** средства противъ **веснушекъ** служитъ подпись *CaZimi* и приложенный при каждой банкѣ рисунокъ **„ИСТОЧНИКЪ КРАСОТЫ“.** **Безъ подписи** *CaZimi* и рисунка утвержденнаго Департаментомъ Торгов. и Мануфактур. за № **4683**— **ПОДДѢЛКА.**

Продается во всѣхъ аптекарск. парфюм. магаз. и аптекахъ.

НОВОСТЬ! **ДЛЯ БѢЛИЗНЫ ЛИЦА** СЪЧКОВА **ПРОДАЖА ВЕЗДѢ**

ОТЪ ЗАГАРА МЫЛО **ЖЕРМЕНЪ.**

Имѣющимъ веснушки, угри и вообще не чистое и бѣлое лицо слѣдуетъ, освѣживши лицо чистой водой, умываться этимъ мыломъ утромъ и вечеромъ. Цѣна на ск. П. Виноградовъ, Москва, Рождественка, д. № 2, не менѣе $^1/_2$ дюж. 1 р. 50 к., перес. нал. плат. Требов. на кускѣ № свид **3131.**

ПАРИЖСКІЯ РЕЗИНОВЫЯ НОВОСТИ. 809

7 образц.—1 р. 05 к.; 12 за 1 р. 90 к.; 20 за 4 р. 35 к. Тутъ включены перес., упаковка и пошлина. Прейсъ-курантъ безплатно. Амалія Фрелихъ, гор. Ранси при Парижѣ, улица Викторъ Гюго, № 40, кв. 9.

Дозволено цензурою. Спб., 25-го іюня 1905 г. Графич. завед. «Родины» (А. А. Каспаои), Лиговская ул., соб. д., № 114.

Сканирован reduktorer ruttracker.org